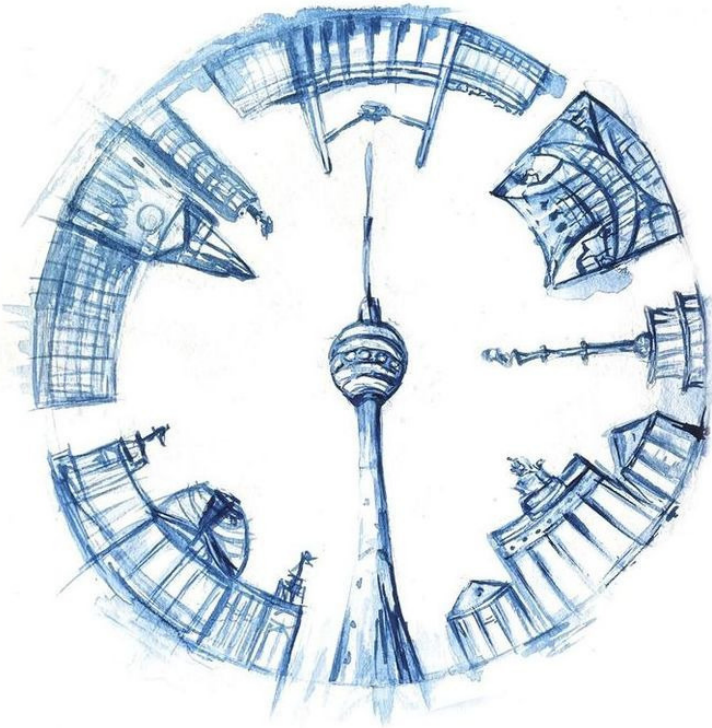
18+

Каттана Игоревна

БЕРЛИНСКАЯ ЛАЗУРЬ

Каттана Игоревна
Берлинская лазурь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67095642
ISBN 9785005596505

Аннотация

Как стать гением и создавать шедевры? Легко, если встретить двух муз, поцелуй которых дарует талант и жажду творить. Именно это и произошло с главной героиней Лизой, приехавшей в Берлин спасаться от осенней хандры и жизненных неурядиц. Едва обретя себя и любимое дело, она попадается в ловушку легких денег, попытка выбраться из которой чуть не стоит ей жизни. Но когда твои друзья – волшебники, у зла нет ни малейшего шанса на победу. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

0	7
I	15
II	26
III	34
IV	48
V	63
VI	80
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Берлинская лазурь

Каттана Игоревна

Художник Константин Комардин

© Каттана Игоревна, 2022

ISBN 978-5-0055-9650-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

0

Все самое удивительное случается внезапно. Будто чья-то невидимая рука, крыло или лапа неожиданно вмешивается в ход событий, отодвигает привычное и делает все не по правилам, но самым чудесным образом.

Чуть более трехсот лет назад алхимик и красильщик Дисбах, готовя очередную порцию краски, вместо своего фирменного карминно-красного, получил невиданный синий – стойкий и на редкость интенсивный. Позже он понял, что магическим элементом превращения стала бычья кровь, нежданно-негаданно попавшая в раствор и своим железом обратившая калиевую соль Blutlaugensalz в соль кровещелочную. Та, в свою очередь, создав союз с сернокислым железом, подарила нам берлинскую лазурь – самый известный в мире оттенок синего.

«Голубой период» Пикассо, первые фотокопии, джинсовая ткань и шариковая ручка – это лишь некоторые строчки из ее послужного списка. Но самым удивительным всегда был ее диапазон: от концентрированного иссиня-черного до прозрачного нежно-голубого, от трагической и мрачной меланхолии до звенящей легкости бытия.

Лиза обмакнула кисточку в густое синее и, как косточку, зажала ее в зубах. Аккуратно двумя руками отодвинула в сторону уже испорченный лист, положила перед собой но-

вый. На арт-терапии ей прописали рисовать свою боль. Заняться хоть чем-то, кроме тяжелых мыслей. Не то чтобы ей это нравилось, но в тот момент ей не нравилось ничего, так что какая разница. Проведя по бумаге другой кистью, с чистой водой, она обрушила в эту маленькую речку грустную акварельную синь. Та мгновенно заструилась по бумаге, становясь все светлее, пока не превратилась в еле заметный голубоватый след. «Пе-е-ечаль мо-о-я све-е-е-тла-а-а-а», – намеренно не попадая в ноты, прошла Лиза. Она зацепилась взглядом за свое отражение в зеркале напротив и провела по лицу две пересекающие глаза вертикальные линии, на манер грустного клоуна. Затем обмакнула кисточку в красный и нарисовала себе широкую улыбку. Смешавшись с берлинской лазурью, красный кармин выдал зловещий черный, отчего лицо в зеркале стало одновременно жалким и по-своему притягательным. Эдакий вульгарный треш. Несколько минут она смотрела на отражение не отрываясь, затем что-то внутри у неё дрогнуло, и по щеке, размывая краску, потекла большая одинокая слеза. «Нет, только не это. Хватит!» – решительным жестом она смазала ее в сторону, дошла до окна, трясущейся рукой взяла сигарету – немного огня, дым вверх. «Только не снова, пожалуйста», – по тыльной стороне ладони тонкой струйкой сквозь пальцы потекла нежно-голубая соленая вода.

Нет, это вовсе не из-за Лёши. Расстаться – было ее собственным решением. Слишком много накопилось отврати-

тельной липкой лжи. Ах, задерживаюсь на работе, ах, прости, снова нужно в командировку, ах нет, ну что ты, это просто подруга. Она делала вид, что верит. Слишком не хотелось представлять, каково это – снова остаться одной. Когда, казалось бы, наконец-то все хорошо. Когда «ну что ты там себе придумываешь». Когда, ну в конце-то концов, он же всегда возвращается. А ты ведь тоже тот еще подарок. Истеричка. И дура. А ведь он и не думал что-то скрывать. Лиза никогда бы не стала лезть в его ноут, подсматривать пароль, если бы не была уверена: она сделает это один-единственный раз, чтобы убедиться, собрать его вещи и затаиться у подруги на ту ночь, когда он будет убираться отсюда навсегда. Чтобы не дай бог снова в исступлении не повиснуть на шее, прощая все и умоляя остаться.

Да. Дура. И истеричка. Но как она хохотала, когда увидела, что вместе со своими вещами он забрал с холодильника магнитики, будто пытаясь украсть самое ценное – воспоминания об их путешествиях, их общие воспоминания. «О нет, дорогой, тебе останутся только магнитики, только фантики, копеечные поделки вместо настоящих эмоций и чувств, на которые ты просто не способен». Но все равно было очень мерзко.

Оттого что опять не смогла. Оттого что уже не уверена, что сможет, и не факт, что захочет еще когда-нибудь ввязываться в эту авантюру под названием «серьезные отношения». Еще ни разу из этого не получилось ничего хороше-

го. Только опять собирать себя по кусочкам, по молекулам, собирать и учить жить заново. Заново любить, заново доверять, заново радоваться – и раз за разом убеждать себя, что семья – это поддержка, а вовсе не то, что было.

Может, и правда все дело во мне, – думала Лиза, – может, я действительно не способна быть той самой «настоящей женщиной», может, я моральный урод, которого надо изолировать и не подпускать к нормальным людям?

Лиза прикурила одну сигарету от другой, опустила голову на сложенные руки и снова заплакала. Очень тихо. Это первая, яркая боль вырывается из груди утробным рыком, это потом отчаяние выходит тягостными долгими завываниями и всхлипами, а после остается лишь тишина, неровное подрагивание плеч и теплые соленые потоки. И лучше всего просто переждать. Очень важно, чтобы из организма вытекла вся ненужная вода.

Она вернулась за стол и посмотрела на разбросанные подсохшие рисунки. Страшновато. То тут, то там какие-то разрушенные дома, обгоревшие деревья, женщины с нехваткой конечностей или полумертвые младенцы, в том смысле, что вроде бы они еще вполне живые, но по цвету и форме понятно, что не надолго. От всего этого Лизу даже немного затошнило. «Дурацкая терапия. Кажется, от нее только хуже. Напоминает, что в моей жизни нет ничего прекрасного, ну и что я совершеннейшая бездарь, конечно же».

Последнее было неправдой, к своим тридцати семи она

успела сделать неплохую карьеру переводчика, пройдя путь от переписывания близко к тексту дешевых любовных романов до художественной адаптации сценариев голливудских блокбастеров для дубляжа. Почти все популярные кинозвезды хоть раз да произносили в русской озвучке то, что она вкладывала им в уста. Вот и сейчас она должна была со дня на день сдать очередной перевод очередного фильма про очередную суперженщину, которая способна была убивать взглядом и оживлять руками. А Лиза не могла ни оживлять, ни убивать, ни даже закончить работу в срок. Мысли путались, слова терялись, фразы получались пустыми, вовсе не под стать всемогущей героине, которая вертела этот мир на своем метафизическом стержне.

Приняв волевое решение, она написала редактору: «Прости, я не смогу, отдай нашу птичку другому, пока не поздно, не хочу подводить. Мне по ходу надо будет съездить нервы полечить. Опять сегодня накрыло – мама не горюй».

Ответ не заставил себя ждать: «Да ты определенно головой поехала, кому я ее отдам, когда до сдачи меньше недели?..»

Договорились, что перевод она таки сдаст, и сделает это вовремя – она иногда так умеет, если прям ну очень надо, – но правки будет вносить уже откуда-нибудь с красивого азиатского пляжа, ибо нет никаких совершенно сил оставаться сейчас в печальной позднеосенней Москве.

Лиза очень не любила февраль и ноябрь, но если за фев-

ралем следовал март, а это хоть календарная, но весна и есть шанс, что все расцветет и забудется, то ноябрь всегда был как приговор: ведь с ним зима только начиналась. Тягучая, долгая, серая, сырая и морозная, но главное – вгоняющая в депрессию и накрывающая медным тазом даже самых сильных, самых жизнерадостных. И все кто мог бежали поближе к экватору, не дожидаясь, пока высосет всё накопленное за лето, и там уже встречались, легкие и загорелые, беззаботные и шальные, живые и счастливые, будто и не было нигде в мире ни малейшей зимы.

Лиза хорошо подготовилась, чтобы несколько дней не вылезать из-за компьютера: много шоколада, хороший кофе, блок сигарет и немножечко кое-где запрещенных, а кое-где считающихся целебными трав, которые очень помогали ей писать, держать ритм, делать текст музыкальнее и легче переводить шутки, подстраивая их под иной менталитет. Она будто начинала совершенно по-другому воспринимать известные ей языки, а неизвестные – понимать каким-то магическим образом. Она изрядно расслаблялась и обращала больше внимания на эмоции и жесты, а не на грамматические конструкции, тем самым проникая в суть, не пытаясь цепляться за форму.

Было раннее утро, еще темно, часов пять или шесть, когда зазвонил телефон. В это время нарушить ее покой звонком, а не деликатным сообщением «проснешься – прочтешь», мог только один человек, очень близкий и точно знающий,

что Лиза не спит.

– Дорогая, что ты делаешь на следующей неделе? – с небес на землю ее вернул бодрый голос безумной рыжей Кати.

Они подружились в последних классах школы. И Катя вечно затаскивала ее во всевозможные приключения, чем более непредсказуемые и рискованные, тем больше веселья доставлявшие обеим.

– Ох, – вздохнула Лиза, уже понимая, как утекает сквозь пальцы ее милый песчаный пляжик с бунгало на берегу, – дорабатываю. А потом, видимо, на пару месяцев на Панган… – вторая фраза почему-то прозвучала вопросительно.

– Сдался он тебе. Поехали в Берлин!

– Кать, мы с Лёшей разошлись, мне хреново. Мне б под пальму и чтоб никто не трогал. Медитации там опять же какие-нибудь…

– Хуетации! Наконец-то! Я старалась тебе не говорить, все ждала, пока сама поймешь, но редкостный мудак был этот твой Лёша, мудак и блядун, а это не лечится, – Катя всегда была очень точна и прямолинейна. И отвратительно права!

– Ну, вот я и поняла. Теперь мне показан тайский массаж, фрукты, морько и никаких новых романов, боже упаси.

– Не-не-не, погодь, рановато помирать, ты знаешь, какие в Берлине клубы? А мужики там какие, ты видела? Это же идеальный город, чтобы залечивать раны! Знаешь, я бы даже, наверное, специально завела какого-нибудь мудака, чтобы бросить его и сразу поехать в Берлин. Это же круто – по-

ка-пока, неудачник, прыг и «Ма-а-айн Херц бреннт!»[1].

– Я в тебе никогда не сомневалась, как и в том, что с тобой даже в аду будет весело, не то что в Берлине. На машине едешь?

– Как обычно, одним махом, без ночевок, громко подпевая Экслу Роузу и «Бон Джови» и размахивая лифчиками из окон.

– Обожаю тебя. Дашь мне пару дней, работу закончить?

– Легко. Своего любимого переводчика я смогу подождать даже целых дня четыре. Мне там надо будет по приезду контакт один установить, поможешь?

– Опять роман международный?

– Ну, такое, пока сама не знаю, все может быть.

– Ага, понимаю, еще не решила его судьбу… – барышни одновременно расхохотались, и Лиза поняла, что уже давно не смеялась так легко и звонко, и да, пожалуй, упасть на лисий хвост Кате с ее приключениями, доверившись и не оглядываясь назад, – это лучшее, что сейчас можно было сделать.

[1] Mein Herz brennt! – «Мое сердце горит!» – нем., название песни Rammstein.

I

Лиза никогда не бывала в Берлине. Она предпочитала проводить время там, где есть море, или хотя бы горы, или – в крайнем случае – красивая архитектура. В Берлине, как известно, не было ничего такого. Туда ехали за другим. Клубы, бары, рестораны, но самое главное – атмосфера андеграунда, невесть как образовавшаяся и сохранившаяся в столице одной из самых пуританских стран мира. Однажды она была проездом в Мюнхене, и в ее планах значилось когда-либо еще обязательно посетить Германию, она даже неплохо знала немецкий язык, но все же, если выдавался отпуск, выбирала теплое море.

Но раз в дело вмешалась Катя, проще дать, чем объяснить, почему не хочешь. Будто профессиональный дух-искуситель, Катя одним мановением руки добивалась своего, начиная с совместного распития бутылки вина с не употребляющим алкоголь человеком и заканчивая нахождением колоссальных денежных средств на самые сомнительные проекты. Впрочем, нет, не заканчивая: никто из живущих не знал предела Катиных возможностей. Поэтому, еще только собираясь ответить на ее звонок, Лиза понимала: приключение началось.

Они встретились на стоянке возле закрывающегося торгового центра, Катя любила выезжать в ночь. Мощная черная

тачка с визгом развернулась и, покачивая басами, галантно притормозила возле Лизы.

– Запрыгивай, – крикнула Катя, открывая окно и делая музыку потише. Лиза кинула рюкзак назад и плюхнулась на роскошное кожаное сидение. – О-о-о, едешь в новую жизнь налегке?

– Ну, я где-то на недельку, по минимуму взяла; если что, куплю там, ломало чемоданы собирать.

– Понимаю, – Катя вжала педаль в пол, и машина, издав жирный породистый рык, выехала на трассу, вырвав у Лизы испуганно-неожиданный «ах». – Скажи?!… – Катя явно была довольна произведенным эффектом.

Лиза восторженно закивала головой, оглядывая космическую приборную панель и все глубже вжимаясь в кресло, сожалея, что не может более предметно оценить новое авто подруги. Она хоть и получила права уже лет пять как, но за руль так и не села. Сперва было страшно, а потом переехала в центр, поближе к работе, и необходимость отпала. Катя же, напротив, была фанатом всего, что движется, – и чем быстрее, тем лучше. Из-за этого порой казалось, что жизнь ее течет на ускоренной перемотке – по насыщенности событиями. И как сама она зачастую говорила: да, мне больше всех надо, мне мало одной жизни, постараюсь за этот срок прожить минимум парочку. Но все же, несмотря на свою вздрыжность, она была мудра, а рядом с ней всегда становилось хорошо и комфортно. Уставшая, хронически не высы-

павшаяся в последнее время Лиза быстро перестала бороться со сном. Тем более что в этот момент, вводя ее в транс, заиграла спокойная электронная музыка, а за окном замелькала нескончаемая череда деревьев, маленьких домиков и редких одиноких фонарей, дающих слишком мало света для того, чтобы разглядывать происходящее. А в зеркале заднего вида и вовсе образовалась сплошная размытая серость, будто бы кто-то позади стирал за ненадобностью отработавшие своё текстуры.

Лизе снилось, что она наощупь идет по абсолютно темному лесу, совершенно не зная, куда. Это было вовсе не страшно, она просто шла, слегка выставив перед собой руки, аккуратно раздвигая ветки и стараясь держаться тропы. Вокруг нее ночной лес жил своей жизнью, и казалось, будто все растения и существа с нею заодно, она точно знала, что никто не причинит ей вреда. Внезапно она увидела что-то похожее на отсвет огня и пошла туда. На поляне действительно был костер, и вокруг него сидели люди, только были они примерно в два раза выше обычного человека, а у некоторых имелись дополнительные суставы и конечности и даже какие-то звериные черты. И снова Лиза с удивлением обнаружила в себе абсолютное отсутствие какого-либо страха, напротив, ей не терпелось подойти и познакомиться.

Ее заметили. Первой к ней обернулась женщина с немного вытянутым вперед лицом и заостренными ушами, немолодая и довольно красивая. У нее были длинные, светлые, слегка вьющиеся волосы, огромные зеленые глаза и самая лучезарная улыбка из всех возможных. Она встала со своего места и устремилась поприветствовать Лизу, будто наконец-то приехавшую любимую внучку; ее зеленоватая длин-

ная одежда струилась по земле, как будто в танце. Плавно раскрыв объятия, она приблизилась к Лизе и прижала ее к себе. В этом жесте было столько любви и нежности, сколько, кажется, та не получала ни от кого за целую жизнь. От женщины пахло травами, лесом и костром, а ее одежда была из какого-то очень мягкого, неизвестного материала, будто бы шёлк смешали с нежнейшим бархатом. «Меня тут ждали, я дома», – пронеслось в голове у Лизы. Женщина жестом пригласила ее присесть рядом. Лиза опустилась на землю, и в этот момент ее разбудил звук захлопывающейся автомобильной двери, а вслед за ним незнакомый мужской голос: «Ой, спасибо, девчонки, ой, выручили!»

Лиза обернулась и увидела позади мужчину лет шестидесяти в камуфляжной зелено-коричневой одежде. Он явно замерз, пока стоял на трассе, и теперь шумно растирал ладони, в надежде согреться как можно быстрее. От него исходил богатый букет сельскохозяйственных запахов с примесью дешевого табака, но благо хотя бы не алкоголя. Она поёжилась, ей не очень нравилось подобное соседство, но она понимала, что сама в данном случае была точно таким же попутчиком и ей придется немного потерпеть.

– Представляете, целый час стоял, никого, ни одной машины, даже фуры не проехало, как вымерли все! Мне вас прямо бог послал, я уж думал, так и околею! – Катя глянула на термометр на приборке, минус десять, неудивительно для ночного ноября. – А вы сами-то куда едете?

– На Берлин! – воскликнула Катя.

– А-ха-ха, тоже дело, – он явно подумал, что Катя шутит, – покажите им там, как мы умеем!

– Всенепременнейше покажем, – она мечтательно улыбнулась, предвкушая, как будет показывать, что она умеет, своему новому немецкому другу.

– Вы меня, главное, в Ярцево высадите, не забудьте, а то я к фашистам не хочу. Мне дед мой, помнится, рассказывал, когда они в сорок пятом…

Лиза проникновенно посмотрела на свою водительницу, взглядом вопрошая: зачем? Катя пожала плечами и загадочно улыбнулась, участливо продолжив диалог про сорок пятый, немцев, развалившуюся тем не менее Россию и неидеальное дорожное покрытие. Сделав над собой видимое усилие, Лиза снова заснула, но, к сожалению, никаких дружественных лесов и волшебных существ в ее сне уже не было.

Светало; когда Лиза открыла глаза, пытаясь понять, где она, кто она и что вообще тут происходит, необъятная родина уже сменилась белорусскими полями. Ночного попутчика уже не было, но легкий дух его присутствия все еще ехал с ними. Она поморщилась.

– Доброе утро, – поприветствовала ее устрашающе бодрая Катя.

– Господи, на каких спидах ты сидишь?

– Вот на этих, – Катя немного прибавила газу, и машина ускорилась. – Больше не буду, тут с этим строго и дорого, так

что просыпайся, буду тебя развлекать.

– Я всегда подозревала, что ты – киборг. Причем киборг-альтруист.

– Ну что-то вроде. Просто я хорошо понимаю дорогу. Нигде больше так явно не действует принцип «как ты, так и к тебе». Потому, если ты можешь кому-то помочь, обязательно сделай. Подвезти, вызвать помощь, поделиться бензином, оттащить до ближайшего сервиса, ведь в следующий раз то же самое может понадобиться тебе, и поверь: зимой, ночью, на темной трассе стоять абсолютно не прикольно.

– Но… но ведь иногда там могут быть не очень хорошие люди, и даже очень нехорошие…

– Могут, но, во-первых, дорога прекрасно развивает чутье – ты сама поймешь, когда сядешь за руль, а во-вторых, она очень хороший кармический лакмус. Если в жизни все идет честно и правильно, то и путь будет легким и безоблачным. Так что если вдруг у тебя из-под носа начнут уходить последние автобусы, попадаться хамоватые таксисты, громко храпящие и плохо пахнущие попутчики, обязательно присмотрись и подумай, что тебе этим хочет сказать твоя Вселенная.

– Что мне надо чаще мыться?

– Не-е-ет, не так буквально. Вот смотри, что тебе больше всего не понравилось в том мужике?

– Хм, ну ладно, даже не запах, благо он хотя бы был трезвый. А вот эти все его дурацкие вопросы. Боже, ну какое те-

бе дело, куда мы едем, зачем, где наши мужья и вот это вот всё?!

– Ну, путешествующие автостопом считают, что должны разговорами развлекать водителя, а эти вопросы – первое, что приходит им в голову, они люди земные, простые. Тебе было бы легче, если бы он спросил тебя о Канте и дзогчене? Другое дело, почему тебя так напрягли эти вопросы?

– Меня ими уже изрядно задолбала мама!

– Аг-а-а-а-а!

– Да, перед отъездом она целый час компостировала мне мозги, куда это я опять еду? А как же Лёша? Пришлось сказать ей, что мы расстались. Она в слезы, ах, зачем, он же был такой хороший, ну подумаешь, гулял, ну все же гуляют, «онжемужик», могла бы и потерпеть! И опять эта песня про замуж и деток, хватит работать и бегать по миру, в моем возрасте уже пора осесть, остепениться и прекратить делать то, что нравится.

– Во-о-от, а теперь скажи мне, что ты ей на все это ответила?

– Ну, как обычно. «Да, мама, хорошо, мама, я скоро вернусь, мама, да, обязательно будет и замуж, и детки, и я люблю тебя, мама». Ну а иначе бы ты без меня уехала, а я до сих пор бы там оправдывалась за то, что у нее выросла такая непутевая дочь.

– Ага. То есть ты была рассержена на маму, но на нее ты своих собак спустить не могла, а тут – опаньки – и такой

удобный кадр образовался, можно на него все повесить.

– На него тоже не смогла, просто уснула, хотела сон досмотреть, но он уже сбился. А такой был сон. Тоже, кстати, что-то про маму, но какую-то неземную, божественную, великую…

В этот момент Катя резко засигналила и ударила по тормозам, Лизу сильно качнуло вперед, а затем она увидела перед собой огромного лося, неспешно переходящего трассу. Когда машина поравнялась с ним, он уже спускался с асфальта в овраг. Они медленно проехали мимо, так что можно было хорошо его разглядеть. Здоровый. Самец. Уже изрядно обросший на зиму. Катя изо всех сил сохраняла спокойствие, но было видно, что ей это давалось не так легко.

– Никогда так не делай. И я больше не буду. Но он был далеко, а мне очень хотелось протестить на этой крошке тормоза. Теперь понимаю, почему она столько стоит. Была бы подешевле, мы сейчас были бы либо в канаве, либо в лосе, но определенно чуть менее живы-здоровы. Однако это была напоминалочка, что пора сделать перерыв. Давай-ка поищем заправку.

– Так что у тебя там за новый бойфренд? Все серьезно? – спросила Лиза, окончательно придя в себя после кофе и завтрака.

– Пока не уверена. Еду на тест-драйв. Но самое забавное, стоило подумать, что не мешало бы хотя бы на время сменить страну, как сразу материализовался с виду идеаль-

ный вариант: красив, умен, свободен, в меру испорчен и однозначно заинтересован во мне. Грех было бы не поехать и не проверить.

– Все время тебе везет.

– Везет тому, кто везет. Да и разве это везение? Я просто очень хорошо представляю, что мне нужно и зачем. И другого мне не надо, я на такое даже внимания не обращу. Вот Вселенная и старается, она же заинтересована в том, чтобы мы были счастливы.

– Да уж, конечно! Я вот прям мечтала, чтоб об меня вытерли ноги и выбросили на помойку, спала и видела. Еле теперь собираю себя по частям.

– И тем не менее, зачем-то тебе было нужно именно это. Возможно, как раз затем, чтобы показать, что твоя жизненная конструкция нуждается в доработке и укреплении, что не особо-то она и жизнеспособна, если ее смог разрушить в общем-то не большого ума парень.

– Да-да, я помню твою любимую теорию субъективной Вселенной. Но, Кать, ну зачем бы мне придумывать себе такого мудака?

– А я почем знаю? Твоя Вселенная, твой мудак, твои цели. Мож, ты и вовсе мазохистка. Мало ли, такое тоже бывает, ничего страшного, главное вовремя себе признаться и найти подходящего садиста.

– Катя!

– Что Катя? Я, кстати, такое пробовала один раз. Было ин-

тересно, где проходят мои границы, насколько я смогу быть для кого-то вещью, секс-игрушкой, личной шлюхой, подставочкой для ног, пепельницей, люстрой… Каково это, когда у тебя больше нет своих желаний, но и ответственности тоже нет? Сколько времени я смогу не кончать?

– И сколько?

– Около пятнадцати часов. Но он сдался раньше, просто тупо уснул.

– А ты?

– А что я, разбудила и сказала, что мы еще не закончили.

– Ты монстр, Катя.

– Нет, ну а чо он! Раззадорил бабу – и в кусты.

– Это явно про тебя анекдот: насильник понял, что изнасилование не задалось, когда она перелезла наверх.

– Ну, в любом случае, если меня все равно уже ебут, я постараюсь получить удовольствие. И да, факт: сверху мне нравится гораздо больше.

II

На подъезде к Германии началась самая настоящая снежная метель – редкость для Европы. Машину мотало из стороны в сторону, и Кате пришлось снизить скорость, встать в правый ряд и плестись вместе с теми, кто ехал на летней резине. Уже стемнело, в лобовое стекло летел снег, и видимость стремилась к нулю. Да и двадцать часов за рулем сказывались. Хотя ей это было не впервой. В юности она славилась тем, что могла одним махом доехать до Крыма и, вместо того чтобы без сил рухнуть спать, отправиться купаться и несколько часов радостно плескаться в воде, развлекая друзей и глотая из горла́ теплый, тягучий южный портвейн: я же только что приехала на море, и вот так взять и просто лечь спать?! Жалко тратить на это время! А на все попытки приписать ей употребление бодрящих веществ, отвечала: «Что вы, нет! Любые пороки – никакой зависимости». И это была абсолютная правда. Она могла попробовать тот или иной волшебный порошок, отметить его достоинства, но желания повторить не возникало. Даже с алкоголем и табаком у нее были хоть и дружеские, но вовсе не постоянные отношения. И в этом была вся Катя, она сама управляла своей жизнью, своей машиной, своей Вселенной. И совершенно ничего не боялась.

И, конечно, Лиза ей очень завидовала. Ее жизнь, напро-

тив, будто совершенно не принадлежала ей. В детстве она делала то, что хотела мама, в юности поступила в институт, который выбрала мама, вышла замуж за мужчину, которого… правильно, выбрала мама. А потом делала то, что хочет он. Но недолго. Он совершенно не хотел ее. Да и несколько последующих мужчин относились к ней весьма прохладно.

Это было странно. Недостатка внимания со стороны противоположного пола Лиза не ощущала. Интересная работа и свободный вход на кинопремьеры обеспечивали постоянный приток новых знакомств. И да, она была красива: светлые волнистые волосы, большие голубые глаза, чуть вздернутый носик, пухлые губы, столь модные в этом сезоне, роскошная фигура – с приятными округлостями в нужных местах, но в то же время довольно стройная. И все-таки не везло. Казалось, она специально привлекает исключительно моральных уродов. И было совершенно непонятно, почему с ней до сих пор дружит такая искрометная, яркая и свободная Катя. Может, она приставлена к ней ангелом-хранителем? Почему бы и нет, кто сказал, что ангелы непременно белы и крылаты? Рыжие тоже очень даже хороши. Очень.

– Что я делаю не так? – она адресовала этот вопрос не то Вселенной, не то Кате, не то кому-то, кто был в ее обличии.

– Хм, хороший вопрос, но позволь уточнить: а для чего ты делаешь то, что ты делаешь не так? Что ты хочешь получить? – Катя сделала большой глоток горячего латте и прикурила длинную сигарету, последняя заправка-перекур пе-

ред пунктом назначения.

– Сейчас уже и вовсе не знаю. Раньше думала про семью и детей, а теперь кажется, это совсем не для меня.

– Ну, сейчас-то понятно, обожглась на молоке, еще какое-то время будешь дуть на воду. Это хорошо. Всегда нужно время сделать работу над ошибками, залатать дыры, а не затыкать их первым попавшимся субъектом. Но все же, что ты подразумевала под семьей?

– Как обычно, мама-папа-дети-собака, совместные ужины, походы в зоопарк, летом на морько.

– Подожди, но все это у тебя вполне могло быть, насколько я помню, Лёша был не против детей.

– Не был, особенно против совершеннолетних с третьим размером груди.

– Ну, пардон, дорогая, напомни, плиз, где вы познакомились?

– В «Тиндере».

– Угу. И ты уверена, что он зашел туда исключительно затем, чтобы познакомиться с тобой для создания крепкой семьи.

– Да нет, конечно, и я в самом начале была не единственная, просто, видимо, готовила лучше остальных. Ну и своя двушка в центре поди тоже была не у каждой, а он очень ценил удобства.

– Вот. И все же ответь честно, чего ты хотела от отношений?

– Да я просто хотела, чтобы меня кто-то ждал дома, хвалил еду, делал совместные селфи в поездках, ну… и секс… м-да.

– И ты ровно это имела.

– Да. Про любовь и уважение я как-то забыла уточнить, думала, оно в комплекте, вроде же, оно всем надо.

– М-м-м, не всем. Например, девочкам, охотящимся за кошельками, вообще пофиг на всяческие чувства: главное, чтоб вовремя счет пополняли. А иные легко предпочтут любовь послушанию или, напротив, жаждут снять с себя ответственность за свою жизнь, выбирая в мужья этаких отцов. Ты же хотела красивую картинку. Что ж, вы неплохо смотрелись вместе: изящная блондинка и роскошный чернобровый мачо. И детишки наверняка бы красивые вышли. Только рыбу надо ловить там, где она водится. Невелик шанс найти примерного семьянина на сайте знакомств – все равно что искать непьющего по барам.

– Вот почему ты не рассказала мне об этом в начале? Ты же все видела. Ты всегда видишь все и сразу!

– Рассказала – что? Что он говнюк редкостный? По уши влюбленной в красавчика подруге? Я себе враг, что ли? Ты б меня взглядом испепелила, как почетного врага народа. А так – видишь, я вовремя появилась и везу тебя в Берлин на ретрит.

– Ведьма.

– Ну, хочешь, я его прокляну?

– Не надо, я уже, – Лиза кинула свой бычок в урну, и он, ударившись о стенку, рассыпался искрами, – и детей он не хотел, он держал это как наживку на ниточке. Сперва – чтобы я бросила курить и пить по выходным винишко. Ну, это ладно, это понятно, я тогда бросила. Потом – чтоб похудела: мол, разнесет же, а так хоть фора будет… Ну, окей, в здоровом теле здоровый дух. Затем он занялся моим психическим равновесием: мол, не может мать моих будущих детей страдать от ПМС-ов и вообще так активно выражать свои эмоции, максимум «ах, смотри, бабочка», а вовсе не «какого хрена ты задержался до пяти утра на работе, если ваша контора наглухо закрылась еще в девять?» Под конец он чуть не загубил мне карьеру, потому что его бесило, что я работаю ночью. Ты же знаешь, что тогда у меня самое вдохновение. А ему, видите ли, клавиши спать мешают, из другой комнаты, так, на минуточку. Ну… и в результате он просто перестал меня трахать. И вуаля!

– М-да, а с виду, конечно, прям идеальная пара. Позволь, а зачем ты так долго терпела?

– А я все думала, что вот сейчас что-то еще в себе изменю – и тогда уже точно хорошо станет. Вот еще чуть-чуть! Ведь вначале же все было отлично! Конфетно-букетный, поездки, яхты, фестивали, острова. Красиво. Надо соответствовать. Веришь, даже на полном серьезе под нож собиралась, здесь отрезать, тут добавить, ну и губы подкачать.

– Твои-то губы? Они же у тебя и так как у Джоли…

– Именно, мои, да, но ему было недостаточно.

– Козлина, блять. Так, все. Ты докурила? По коням. Поехали, найдем тебе годного ебабельного немца, их есть там, я, поверь, не понаслышке знаю.

В Берлин они въехали чуть за полночь. По московским меркам, здесь все еще вполне была середина осени. Любимое время Лизы. Когда можно бродить по паркам, пиная разноцветные листья, и, не зная зачем, собирать каштаны, а потом перебирать их прямо в карманах, заодно согревая руки. Или сидеть у воды, глядя, как отражается в ней густое серое небо, а ветер уносит по волнам воспоминания о знойном зеленом лете, обещая вернуть все на круги своя, но уже весной.

Они припарковались возле небольшого трехэтажного здания, простенького, желтоватого, но с симпатичными бело-синими балконами, придававшими ему немного приморский вид. Свободное место оказалось аккурат возле нужного подъезда. Катя очень гордилась этой своей суперспособностью – всегда находить самые удобные парковочные места. Даже там, где это казалось совершенно невозможным. Да, хорошая дорожная карма отрабатывала и в этом тоже.

Забрав сумку с заднего сидения, Лиза подошла к багажнику, чтобы помочь подруге выгрузить вещи. Та явно собиралась сюда не на неделю, забила машину под завязку. Похоже, твердо решила переехать. «Так что же, в Москве больше не будет этого рыжего чуда? Как же так?! Это нечестно». Лиза взялась за ручку большого красного саквояжа.

– Ой, нет, брось. Оставь. Все завтра. Сегодня возьму только зубную щетку и бутылку… эээ… «Соплицы»? Ха-ха-ха, какая прелесть! Зато вишнёвенькая! – она засунула в маленькую сумочку бутылку польской настойки, прихваченной на заправке с целью истратить оставшиеся злотые. – Все остальное завтра. Как гласит моя первая заповедь – не суетись.

– А что гласит твоя вторая заповедь? – спросила Лиза, когда они, закурив, угнездились на уютном балконном диванчике, а Берлин растекся по венам сладким вишневым ликером.

– Перестань засовывать в себя ненужные вещи.

– Например алкоголь и сигареты?

– Зависит. Сейчас, например, немного градуса мне необходимо, чтобы расслабиться после суток за рулем и снять эту дурацкую качку, иначе не дадут уснуть «вертолеты». А дым издавна использовали для лучшего коннекта с местом – и чтобы привести в порядок мысли. Но, конечно, если ты начнешь употреблять когда надо и не надо, просто за компанию, потому что все так делают, или (не дай бог!) чтобы закрыть глаза на что-то, или даже просто потому что привыкла – это уже очень нехороший знак.

– Понятно, и людей тоже?

– Людей особенно. Это, мне кажется, – и есть главная проблема человечества: совать в себя всех людей без разбора, потому что отказываться неприлично. Начиная от никому

не нужных детей и заканчивая неподходящими партнерами. Нет, конечно, если сперва натянуть его на свой идеальный образ, он войдет полегче, но, знаешь, люди от этого чаще всего лопаются. Избегай по возможности.

– Детей, скорее, высовывать.

– Пожалуй, но смысл от этого, заметь, не меняется.

– Воистину, Катя, я скоро буду ходить за тобой и записывать новое евангелие. Какие еще заповеди ты нам поведаешь?

– Ты знаешь, по сути-то это всё. Я бы добавила еще «не жадничай», но нам всё детство продавали под этим брендом отказ от собственности в пользу каких-то там приличий, так что теперь очень сложно отделить «не бери больше, чем тебе нужно» от «отдай то, что нужно тебе, тому, кто сам ни на что не способен», так что лучше эту заповедь пока опустим.

– А как же «не убий»?

– А что «не убий»? Если очень надо, убий, но не суетись только!

III

Из тягучего странного сна Лизу вытряхнуло настойчивое жужжание кофемолки, и это было очень кстати. Ей снилось, что она была игрушкой, самодельной тряпичной куклой с льняными нитками вместо волос и ватой внутри, но в красивом розовом платье с плетеным орнаментом. В нее играли исполинских размеров дети, сидящие на мягком ковре, перетягивая ее друг у друга, от чего она буквально трещала по швам. Когда она доставалась девочке, та хватала ее за волосы и то крутила над головой, то била ею об пол. Мальчик же пытался стащить с нее накрепко пришитое платье, а когда это не получалось – начинал отгрызать ей руки и ноги. Лиза пыталась кричать: «Отпустите, мне больно, зачем вы со мной это делаете!» – но ее игрушечное тело не могло издать ни звука, а рот был просто вышитой красной линией и не открывался. В конце концов в комнату вошли взрослые. Видимо, родители. Они прикрикнули на отпрысков и отобрали у них несчастную куклу, но в следующий момент огромный черный пес выхватил ее у них из рук и выбежал из комнаты прочь. Он бежал по полю сквозь высокую зрелую пшеницу (или рожь, кто её разберет), и Лиза чувствовала его горячее дыхание, мокрую пасть, слышала шуршание колосков, чувствовала их касания, но ей было уже все равно. Она расслабилась. «Несёт меня лиса за тём-

ные леса, – прошелестело в голове, – за быстрые реки, за высокие горы»…

– Ой, прости, пожалуйста, я держалась до последнего, но уже о-о-очень хочется кофе. Тебе сделать? – Катя зашла в комнату с ароматно дымящейся чашкой, свежее, чем майская роза, будто не она вчера осилила за рулем две тысячи километров, проспав после этого всего часов шесть.

– Катя, ты какому демону дала, чтоб так выглядеть по утрам?

– Б-гы-гы, ну, какой взял, такому и дала, я имени не спрашивала. На, держи, я пойду себе еще сварю.

Лиза осторожно взяла горячую чашку, потрясла головой, чтоб из нее высыпались остатки неприятного сна, и взяла телефон. Почти одиннадцать, ок, и правда, можно уже вставать. Первым делом открыла гугл-карту, посмотреть, где она вообще и в какую сторону идти добывать завтрак.

– Ха-ха, Ка-а-ать, а ты специально выбирала квартиру на Единорожьей улице?

– В смысле? У нас же адрес: Даммвег-не помню-сколько.

– По той стороне – да, а вот эти окна выходят на Айнхорнштрассе, что на языке Шиллера и Гёте не что иное как Единорожья улица.

– Обалдеть! Ты же помнишь мой ник в жж, мир его праху?

– Конечно, Red Hot Unicorn, такое забудешь! В общем, я уверена, тебя здесь ждет удача, хотя что я говорю, она тебя не ждет, а просто преследует.

– Не сомневаюсь, но мне сейчас интереснее узнать, куда подевалась твоя. Давай так, ты сейчас одна где-нибудь побродишь, пощупаешь, так сказать, город, а я окончательно приду в себя, разберу вещи и приготовлюсь к свиданию со своим Хансом. Вечером встретимся. Я уже предупредила его, что буду с переводчиком. Уверена, что это ненадолго и либо мы быстро перейдем к той части знакомства, где язык используется по иному назначению, либо, если вдруг не зайдет, пошлем его нафиг и отправимся вдвоем в бар за следующей жертвой. А вот, кстати, и наш завтрак.

В дверь настойчиво позвонили, и Лиза подумала: вот повезет же этому Хансу заполучить себе такую прекрасную Катю, которая всегда вовремя и с легкостью добывает что угодно: еду, развлечения, драйв, хорошее настроение, отличных друзей, комфортные места, время и средства. Потому что никогда не суетится. И не засовывает в себя ничего лишнего. Вот и повезет же ему!

Центральная и самая популярная картинка Берлина – телевизионная башня на Александрплац, к ней и устремилась Лиза, выйдя на свою сольную прогулку. Чтоб, так сказать, сразу поставить галочку «достопримечательности осмотрены» и сделать пару дежурных фотографий из серии «мама, посмотри, как я культурно отдыхаю». Схема местного метро поначалу ужаснула ее, но, к счастью, все дороги так или иначе вели к Алексу – это имя плотно закрепилось как соб-

ственное имя той самой телебашни. Das ist Berlin[2], – пронеслось в голове Лизы не то строчкой из песни, не то лозунгом. Die Sehenswürdigkeiten[3], – произнес навеки отпечатавшийся в ней голос Ундины Стефановны, институтской учительницы немецкого с самыми что ни на есть немецкими родословной и характером. То, что сложно запомнить, уже потом никогда не забыть. Она учила немецкий вторым языком и все еще неплохо им владела, хоть он и не стал ее любовью. Тем не менее его вполне хватило не только чтобы купить билет в метро и традиционную берлинскую сосиску, но и перебросится парой вежливых фраз с немолодой седовласой фрау в очереди на смотровую площадку. Еще немного, и он окончательно проснется. Лиза хорошо знала этот забавный эффект, когда, казалось бы, уже забытый язык в родной среде раскрывается, как цветок, за несколько дней превращаясь во вполне разговорный.

Берлин с высоты был прекрасен. Красные крыши, желтые деревья, зеленоватая река, разноцветные машины и общая атмосфера спокойствия и умиротворения. Она представляла его себе вовсе не таким. Более индустриальным и серым, более грозным и мрачным, требующим уважения и субординации, а он оказался, скорее, как старый сосед, все еще живущий в квартире напротив в доме, где ты вырос. Очень уютный и солнечный, с интересом спрашивающий, как у те-

---

[2] Нем. «это Берлин».

[3] Нем. «достопримечательности».

бя дела, и удивляющийся, когда это ты успела так вырасти. И Лизе захотелось скорее прыгнуть в его мягкие объятия. Спустившись с башни, она свернула наугад в первый же переулок. Это был ее самый излюбленный вариант исследования новых городов. Идти куда глаза глядят, без цели, без точного маршрута, какая разница куда, если она тут еще нигде ни разу не была. И обычно это срабатывало, город подкидывал ей самые интересные места, не замусоленные туристическими путеводителями: переулки, атмосферные дворики, милые кафешки «для своих» или же просто внезапные удивительные картинки из жизни города и его обитателей.

Этот раз не стал исключением. Перейдя дорогу, она попала в расчудесный пряничный Николайфиртель – самую старую часть Берлина, не так давно восстановленную и, пожалуй, единственную, напоминающую сказочную Германию из сказок братьев Гримм. В адаптированной для детей версии, конечно же. И хоть он был насквозь туристическим, но показался настолько милым, что у нее возникло ощущение, что она наконец-то вернулась домой после долгих странствий. Маленькие магазинчики с разноцветными платками и плюшевыми медведями, расписанными вручную керамическими чашками и причудливыми шляпами и, конечно же, многочисленные кафешки и ресторанчики, зазывавшие уютными домашними интерьерами и запахами печеного мяса и хлеба. Обязательно вернусь сюда обедать или ужинать, – пообещала себе Лиза, – но сейчас – гулять.

Она вышла на набережную, потрогала за нос больших каменных львов, вспомнив исполняющую желания овчарку на станции «Площадь Революции» – просто потри носик, ставший белым от бесконечных запросов. И ведь работало же! Намолили. Так бывает. Уже никто не помнит, кто и когда это придумал, но нельзя просто так взять и пройти мимо, не загадав желания. Наверняка эти львы тоже работают! «Пусть у Кати все получится, – сказала она, – пока не знаю, чего хочу я, но уверена, что она должна быть счастлива, хоть мне и будет ее не хватать».

Погода была переменчивой. Яркое, почти летнее солнце где-то раз в час сменялось тяжелыми серыми облаками. Поднимался ветер, заставлявший застегиваться на все пуговицы и сильнее кутаться в шарф. У реки было промозгло, и, когда на пути Лизы возникло окошко, из которого подавали на вынос ароматный глинтвейн, она сочла это очередным даром богов. Бумажный стаканчик немного обжигал ладони, и пить на ходу было довольно сложно. Она дошла до лавочки напротив Берлинер-дома и приготовилась вкушать изящество архитектуры, запивая его пряным красным вином. Немного табака тоже не помешает, привести в порядок мысли и установить связь с местом, по методу Кати. Мимо проходили семьи с детьми, престарелые парочки, студенты. Казалось бы, ничего необычного, но все они были такие расслабленные, без печати страдания на лицах, без страха куда-то не успеть, без тревоги что-то неправильно сделать. От них исходило

спокойствие и какая-то уверенность. Лиза невольно позавидовала им. В Москве всем приходится бежать, чтобы просто оставаться на месте, и это вовсе не про оздоровительную пробежку. Знаменитый немецкий Ordnung[4] пропитывал здесь все так, что хотелось стать хорошей девочкой и чуть слышно прошептать какому-нибудь симпатичному голубоглазому блондину: Jawohl, Mein führer! Хотя, понятное дело, такой оборот сейчас здесь не принят.

Последний глоток глинтвейна окончательно согрел и разогнал кровь и фантазии. Среди проходящих мимо мужчин многие были очень даже привлекательны, и в голове начала зудеть мысль снова поставить «Тиндер», хотя внутренний голос зловеще зашептал: «Ты об этом пожалееш-ш-шшь, еще международных романов тебе не хвата-а-ало, ты будешь страда-а-ать»… «Цыц, – заткнула его Лиза, – лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть. Но сегодня, пожалуй, воздержусь. Этот день принадлежит только мне, вечер – обещан Кате, а дальше посмотрим».

Очередной порыв ветра бесстыдно задрал ей полы пальто, но она лишь рассмеялась и тут же закружилась, завертелась вместе с вихрем и сухими листьями, будто танцуя под одной ей слышную музыку. «Я хочу пожить здесь, – внезапно подумала она, – очень хочу. Хочу и буду!»

Словно в трансе Лиза шла вдоль реки. Шпрее – так звали здешнюю водяную артерию – в переводе с немецкого – «ве-

[4] Нем. «порядок».

селье, шалость, загул». И это было очень под стать городу, который в последние десятилетия снискал себе славу столицы кутежа и фриков.

Она обогнула музейный остров, заполненный туристами, прошла по течению и оказалась в совершенно удивительном месте – на Fischerinsel, Рыбацком острове – природном оазисе в самом центре города. Там, между пришвартованных старинных лодочек, половина из которых была переделана в кафе, а половина просто стояла музейными экспонатами, спрятался кусочек буйной дикой растительности. Несмотря на конец осени, все это богатство не только зеленело, но кое-где еще и цвело. После голой черно-серой Москвы это было похоже на чудо. Сладкий запах прелых листьев, зелени и цветов смешивался с ароматом горящего угля, которым отапливались не только лодочки, но и окрестные дома. Он навевал что-то такое невыносимо прекрасное, что на глаза наворачивались слезы, не те, тоскливые и безысходные, а в кои-то веки приятные. На берегу рос огромный каштан, больше похожий на странное существо, чем на растение. Лет трехсот от роду, втроем не обхватишь. Он совершенно заворожил Лизу. «Ты будешь моим любимым деревом этого города, – сказала она вслух, поднимая с земли зрелый каштан и пряча его в карман, как редкую драгоценность, – а я постараюсь стать твоей любимой девочкой».

Она обошла остров по кругу. Идеальное место для отдыха: удобные лавочки, укромно скрытые в кустах; площадка

для игр детей и взрослых со столами для тенниса; итальянский ресторан с оливами в больших горшках; детский творческий центр; школа танцев, бассейн, музыкальная школа. «Вот бы так и поселиться здесь, заиметь крепкую немецкую семью, – бормотала себе под нос Лиза, – ходить тут сперва беременной, сидеть в тени цветущих слив и абрикосов, смотреть на кораблики, затем водить маленьких немецких граждан во все эти кружки, играть с ними на той сказочной площадке с домом на дереве, в выходные сидеть всей семьей за столиками на набережной, выбирая себе гастрономическое путешествие. Итальянская, арабская, индийская, вьетнамская, какая угодно кухня, все тут, все удобно, все под рукой. А жить, например, вот в этом доме, тот панорамный балкончик – чудо же как хорош!»

Буквально кожей она ощутила, как прекрасна и беззаботна могла бы быть здесь ее жизнь. Понятно, что потом все равно всплыли бы какие-то проблемы, но сейчас это казалось ей отличным решением. А что если и правда переехать? Работу она вполне может делать удаленно, и ее зарплата будет неплоха по местным меркам. Сдаваемая квартира в центре с лихвой покроет расходы на аренду нормального жилья

здесь, возможно, даже в этом доме. Визу она вполне может сделать учебную, заодно подучить язык. Или вот виза фрилансера, по которой недавно уехал сюда один ее друг. Она знала, людям творческих профессий их дают довольно легко. Берлин сейчас усиленно скупает арт-мозги. Всевозможные творцы бегут сюда на всех парах, вдохновленные здешним бунтарским духом, андеграундной культурной прослойкой и бесчисленными клубами, где границы дозволенного только лишь в твоей голове. Лиза пообещала себе непременно подумать об этом, как только вернется в город ста пятидесяти оттенков серого и идея свалить вновь навалится и займет все место в голове. Ну а теперь пора потихонечку двигаться к дому.

По мосту Янновицбрюкке она пересекла реку, сделав пару приятных фоток, и свернула направо, намереваясь посмотреть остатки Берлинской стены с ее граффити. А на закате, когда уже будет подсвечен Молекулярный человек, нужно будет пройти по знаменитому Обербаумбрюкке, без него не обходился ни один фильм, действие которого происходит в Берлине. Но пока что она шла вдоль обычных панельных коробок советской застройки, недоумевая, как такое может быть в центре германской столицы, а вовсе не в спальном районе Москвы. И на этом контрасте еще сильнее бросилось в глаза нечто весьма странное. С правой стороны на перекладине между домами в воздухе внезапно возник огромный дискотечный шар.

«Боже, какое забавное место», – подумала Лиза, осторожно заходя внутрь и пытаясь понять, где оказалась. Несколько кафешек, пекарня, бар и ресторан, магазинчики, торгующие дизайнерскими штуками, граффити. Казалось бы, ничего особенного, если попытаться описать словами, но в данном случае слова совершенно не справлялись с передачей атмосферы в которой она очутилась: что-то среднее между мастерской художника, сквотом хиппи, рыбацкой деревенькой и небольшим садом. Тут были столы с самодельными стульями и лавками, деревянные настилы у реки, на которых в теплое время года можно сидеть, болтая ногами в воде, беседка, старая лодка под плакучей ивой. Но самым странным было то, что про себя Лиза сразу назвала «алтарем Шута». В гротике, рядом с длинными столами, где сейчас сидело несколько человек (летом там явно яблоку некуда будет упасть), за ограждением восседал игрушечный клоун в золотистой одежде, перед ним горела свеча, а вокруг расположились всевозможные символы практически всех возможных религий. Буддистские четки и христианские иконы, звезда Давида, Дерево Жизни, глаз Гора, ловец снов, голова единорога, не говоря уже о цветах, конфетах, чьих-то фотографиях и записках. «Какое прекрасное безумие! Я тоже должна непременно сделать жертвоприношение», – пронеслось в голове Лизы. Она покопалась в карманах и нашла там шоколадную конфету «Мишка», ну что ж, медведь – это вполне по-берлински. Вот, держи, а я еще вернусь к тебе с подарка-

ми. Лиза положила конфету под ноги клоуну, и на мгновение ей показалось, будто тот улыбнулся. Она, конечно, списала это на отблеск света свечи, но тем не менее почти минуту не могла отвести глаз. Этот золотой малыш совершенно заворожил ее, абсолютно не пугая, хоть она вовсе не любила клоунов, а Стивена Кинга, напротив, очень уважала. «Я еще обязательно вернусь, но сейчас мне надо бежать, не скучай тут, пожалуйста!» Лиза махнула ему на прощание рукой и пошла к выходу. Тут еще определенно было на что взглянуть, но время поджимало, она обещала Кате вернуться домой вовремя. К тому же большинство здешних дверей было уже закрыто. Она открыла карту: «До Истсайдской галереи пятнадцать минут быстрым шагом, а там через красивый мост – и бегом в метро. Успеваю».

Небо над Берлином в очередной раз стерло со своего лица солнце, отчего город принял слегка мрачноватый вид. Сияющее стеклянное здание Восточного вокзала в окружении многоэтажных бизнес-центров и отелей навевало воспоминания о фильмах про космических захватчиков. Лиза поежилась и поспешила укрыться от всего этого в тени остатков Берлинской стены. После того как ее отдали на откуп городским художникам, устрашающий памятник былых кровопролитий, будто пытаясь замолить грехи, превратился в занятный арт-объект на потеху гостям и жителям города.

«Господи! Помоги мне выжить среди этой смертной любви», – прошептала Лиза возле знаметнитого портрета Брež-

нева и Хеоннекера и побежала к мосту.

IV

По Обербаумбрюкке она неслась уже почти со скоростью Лолы из любимого фильма[5]. «Потом, потом все эти фотки сделаю, еще успею, – думала она, – и вообще, мне кажется, я тут задержусь дольше чем на неделю, а значит, надо будет озадачиться собственным жильем. Но об этом я подумаю завтра». Когда она вошла в квартиру, Катя была уже при параде и выглядела нечеловечески шикарно. Зеленовато-бирюзовое платье фантастически сочеталось с ее рыжими волосами и лавандовой помадой. Дух тонкого парфюма все еще витал в коридоре.

– М-м-м-м, «Флёр наркотик»! – Лиза узнала аромат с первых нот. – Обожаю его.

– Ох, дорогая, если у меня все получится, я подарю тебе его целую канистру!

– Разве у тебя может что-то не получиться? От тебя все всегда без ума.

– Дело не в этом. То, что я ему понравлюсь, – несомненно, а вот будет ли он тем, кого я себе представляю, – не факт. Скорее, это будет проверка, все ли правильно я загадала и точно ли знаю, чего хочу. А то бывает, составляешь себе портрет идеального партнера, все выписываешь, все уточ-

[5] «Беги, Лола, беги», где главная героиня постоянно пробегает именно по этому мосту.

няешь, рост, вес, возраст, любимый альбом «Пинк Флойд», кошки или собаки, море или горы, цели по жизни, степень хаоса в быту, вроде, думаешь, все учла, и вот раз и выясняется – а пол-то ты указать и забыла. Ты думала, что это само собой разумеющееся, а вот и нет. И выдают тебе такую отличную девчонку, что просто загляденье, и ориентация твоя трещит по швам, и ты уже практически готова переметнуться, но нет. Понимаешь, что с ней так нельзя, что все равно перескочишь на ближайший крепкий хуй, как только представится возможность, а это будет очень нечестно, не надо так.

– Понимаю. Так совершенно точно не надо. Лучше сразу сказать человеку, что не выйдет ничего, чем держать его на скамейке запасных, как консерву на черный день. Очень понимаю. Это очень нечестно.

– Ты ж моя птичка раненая, – Катя подошла и обняла ее, – все у тебя будет хорошо, вот увидишь. Завтра пойдем в клуб делать тебе личную жизнь. Ну, или нам обеим, что даже интереснее.

У Кати была одна совершенно феноменальная черта: в любом плохом событии она сразу видела несомненные плюсы. Уволили с работы? Да и хрен с ней, зато теперь я абсолютно свободна и могу в нескончаемый отпуск или сферу деятельности сменить. Сломалась машина? Зато спокойно можно выпить в баре и поехать на такси. И вообще, а вдруг суждено было в этот день разбиться, а тут вот неувязочка. Не завязался роман? Да и пофиг, зато теперь можно спокой-

но ходить по клубам и снимать там все, что понравится, в любых количествах – и даже еще непонятно, что лучше. Лиза очень хотела этому научиться. Ей казалось, что она сможет заразиться от Кати живым внутренним огнем, просто пустившись с нею во все тяжкие. И отчасти это действительно было так.

Через полчаса подруги сели в такси.

– Волнуешься? – спросила Лиза.

– Есть немного. В основном мне стыдно из-за своего языка, точнее – из-за его отсутствия.

У Кати был один очень странный и существенный в наше время недостаток: ей совершенно не давались иностранные языки. С самого детства. Сперва родители нанимали ей всевозможных преподавателей, потом она уже делала это сама, пробовала английский, немецкий, испанский, но в мозгу явно не хватало какого-то важного закрепляющего винтика. Все слова и грамматические конструкции пролетали ее голову насквозь, не задерживаясь. Она пробовала и гипноз, и хваленый двадцать пятый кадр, и слушать во сне. Ничего, ноль, зироу, нуль, хоть ты плачь. И конечно, она очень переживала, что вся ее красивая любовная история может развалиться в самом начале из-за банального отсутствия общего языка. Но, как выяснилось, переживала абсолютно зря.

Они приехали вовремя, памятуя о немецкой точности и не рискуя экспериментировать с русскими шаблонами об обязательном опоздании дам. Из-за этого встреча с Хан-

сом состоялась практически в дверях, точнее, возле дверей. Двухметровый, атлетически сложенный красавец-брюнет с обаятельной улыбкой в развевающемся длинном черном плаще приковывал к себе абсолютное большинство взглядов. Он прекрасно знал это, потому шел не торопясь, наслаждаясь эффектом и готовясь поразить русскую гостью в самое сердце. Но когда ему навстречу, звонко цокнув каблуком, шагнула рыжая бестия, показалось, что он разом стал как минимум на 20 сантиметров меньше, а его нижняя челюсть упала и покатилась по мостовой.

– Oh, mein Gott, – вырвалось у него.

– О мой бог, – честно перевела Лиза.

– Это я поняла, спасибо.

Сделав видимое усилие, Ханс вернул самообладание и пригласил барышень войти, подчеркнуто галантно распахивая перед ними дверь ресторана. На лице Кати засияла восторженная хитрая улыбка, означавшая, что, в данном случае, ее все более чем устраивает, а значит, все пойдет по плану. По ее собственному плану. Ведь это ее собственная Вселенная.

Говорят, немцы скупы на эмоции. Но либо Ханс был ненастоящим немцем, либо в тот вечер он решил спустить весь свой годовой запас, чтобы поразить и увлечь эту рыжую русскую даму. Катя, напротив, держалась скромнее, чем обычно, но во взгляде ее было нечто, что в Лизиной интерпретации называлось «если на тебя так смотрят, сегодня тебя

выебут». Этот взгляд говорил: «Ты никуда не денешься, ты будешь моим, и тебе понравится». Неподвижный, но ничего не упускающий, не дающий ни шанса на отступление, фирменный Катин взгляд. Бедняга Ханс потел, краснел и как подросток тараторил все, что придет в голову, словно боялся, что, как только замолчит, чудо развеется. Лиза покорно переводила, едва успевая за скоростью, и в конце концов попросила перейти на английский, благо уже успела убедиться, что в Берлине этот язык не менее распространен, чем родной немецкий. Ничего удивительного для города с таким количеством приезжих и туристов. Ханс – чистокровный берлинец, причем западный (чем изрядно гордился), – отлично говорил на английском.

– На прошлых выходных мы с друзьями были в городе Булов, тут неподалеку, в пригороде. Природа, лес, все такое, и вот уже собираемся обратно, думаем, где перекусить на дорожку, и смотрим, странное дело: в городе очень много лавочек с мороженым, буквально на каждом углу, и в каждую стоит нехилая такая очередь, а меж тем уже, надо понимать, конец октября и не то чтобы очень жарко. Но все стоят. И стоят с такими лицами, будто бы их заставили. Но са-а-амое странное, что, отходя с мороженым, начинают его есть с таким видом, будто бы их поработили силы зла и через поедаемое крем-брюле или пломбир, получают от них жизненную энергию. В общем, стивенкинговщина какая-то. Но что-то мы на всякий случай передумали там останавливаться и уж

тем более – есть мороженое.

– Божечки, какая прелесть, – выпалила Катя, яростная поклонница Стивена Кинга, буквально знавшая наизусть все его произведения, – мы обязательно должны туда съездить!

– И съесть мороженое? – заговорщически прошептал Ханс.

– Разумеется, – сверкнула глазами Катя.

Судя по электричеству, которое в тот момент пробежало между ними, Лиза поняла, скоро ей можно будет удалиться. Дальше эти ребята вполне договорятся на языке, которым оба явно владели в совершенстве. Но не тут-то было.

– А поехали в клуб! Лиза в Берлине впервые, ей надо обязательно показать «Киткат», – взмах рыжих волос был столь убедителен, что не оставлял места для споров и возражений. Тем не менее Ханс уточнил.

– Ты ведь знаешь, что это секс-клуб?

– Конечно, но ведь секс – не мороженое, его совершенно точно не стоит бояться.

Это был чистый нокаут. В глазах Ханса явно читалось абсолютное восторженное поражение. Катя в глубине души усмехнулась, вспоминая популярные в России наклейки «Можем повторить», что так любят клеить на Мерседесы и БМВ. И, хоть ее машина была японской, а такую наклейку она не налепила бы и в страшном сне, сегодня безоговорочная капитуляция немецкой стороны была ей очень приятна.

Лизу не пришлось уговаривать ни минуты, в ее крови так

бурно разлился Берлин, что она подумывала устроить себе сольную программу, после того как сделает для подруги все, что обещала. Разве что уточнила, действительно ли Катя хочет совместного продолжения в клубе вместо уединения с героем своих влажных грез в его уютном логове.

– Абсолютно, – ответила та, – ты посмотри на него, он весь пылает! Никак не ожидал так много счастья сразу. И если мы сейчас же перейдем ко второй части Марлезонского балета, он так перенервничает, что у него тупо не встанет. И зачем мне такое печальное начало нашего «долго и счастливо»? То ли дело мы сейчас пойдем, потанцуем, насмотримся всякого, потрогаем друг друга за разные места, а поутру я растворюсь, как волшебная фея в тумане, чмокнув в щечку и прошептав «позвони завтра». И как ты думаешь, каков шанс, что он мне перезвонит так скоро, как только поймет, что уже можно?

– Процентов двести, пожалуй.

– Вот именно.

– А на сколько процентов он уже уверен, что ты ведьма?

– Примерно на столько же, но я готова спорить, он и сам не прочь приворожиться.

Очередь возле «Китката», вопреки их опасениям, была небольшой, и буквально через пятнадцать минут они вошли внутрь. Вечерние наряды несколько выбивались из привычного образа завсегдатаев. Как ни крути, одежды на троице было многовато. Но не пустить этих красавцев с горящими

взглядами и жаждой приключений бравые парни на входе просто не смогли. В конце концов, кому, как не им, знать, через сколько минут вся эта приличность окажется брошенной в дальнем углу, а выходить отсюда все равно все будут в плащах на голое тело, а из карманов плаща будут торчать чулки и прочие атрибуты былой роскоши.

В отличие от остальных, Лиза была здесь впервые, ничего подобного ей видеть не доводилось. Большинство посетителей действительно были голые, одежда других выглядела куда более вызывающей, чем нагота. Торжество кожи, латекса, металла и всевозможных аксессуаров начиная от париков и перьев и заканчивая страпонами конских размеров поражало воображение не привыкшей к подобной свободе москвички. Она почувствовала себя слишком одетой, завязала свою приличную белую рубашку на манер ковбойки, а юбку подтянула вверх, чтобы та выглядела как мини. Катя сделала свое декольте существенно глубже, так что благодаря практически вырвавшемуся на свободу роскошному четвертому размеру, на ее юбку в пол никто не обращал никакого внимания. Ханс же просто снял рубашку, оставшись в распахнутой жилетке на голое тело с шестью идеальными кубиками на прессе. Он начал было сетовать на свое неподобающее одеяние, но в этот момент Катя нежно провела рукой по его спине, и Ханс мгновенно передумал жаловаться на что бы то ни было.

Возле одного из баров Лиза заметила бассейн с сауной,

вокруг которого на диванах возлежали прекрасные обнаженные и полуобнаженные люди. Музыка здесь была поспокойнее и потише, чем на основном танцполе, так что можно было разговаривать и флиртовать, периодически погружая разгоряченное тело в прохладную голубую сияющую воду.

А еще в клубе танцевали. Со старта Лиза насчитала целых три зала, где модные диджеи качали беснующуюся в экстазе толпу, а на сценах, шестах и в клетках красиво извивались более профессиональные и еще более волшебные создания. Не всегда было понятно с первого взгляда, которые из выдающихся частей их тела принадлежат им с рождения, а какие являются шок-продуктом эротической индустрии. Ну и, конечно, тут был секс. Везде. У бассейна, в баре, на танцполе, на всех возможных поверхностях: диванах, качелях, медицинских креслах, в нишах коридоров и в специально оборудованном всевозможными девайсами подвале. Все было создано, чтобы удовлетворить самый изощренный вкус и безудержную фантазию.

Одиноких девушек было немного, и Лиза постаралась держаться ближе к друзьям. Она не боялась внимания, просто все было слишком непривычно. Начиная с изъятия телефона на входе и кончая атмосферой абсолютной вседозволенности. Да, кончая… Лиза вспомнила, что секса у нее не было уже почти два месяца, а хорошего секса – считай полгода, и почти случайно уперлась взглядом в высокого спортивного темнокожего парня, оказавшегося рядом. Он

приобнял ее, посадив верхом на свое голое влажное бедро и, плавно покачиваясь, начал танцевать.

«Да что ж это со мной такое?!» – в сердцах подумала Лиза. «Это Берлин» – долетело до нее из разговора проходящей мимо парочки. Благо в этот момент к ней подошли Катя с Хансом, и в руках у подруги были два стакана коктейля,

светящегося голубым и мистическим. Она протянула стакан Лизе, которая одним глотком осушила добрую половину.

– А, это джин-тоник.

– Да, но при таком освещении смотрится абсолютно магическим зельем.

– В этом свете все смотрится не тем, чем кажется.

В этот момент на танцпол въехал карлик на инвалидном кресле. Лиза умоляюще взглянула на Катю.

– Пожалуйста, скажи, что ты тоже это видишь!

– О, это очень известный местный персонаж, – вмешался Ханс, – завсегдатай.

– Но… зачем?

– Что «зачем»? Ему же тоже хочется веселиться!

– Но как? Он же не может танцевать, а остальное…

– Думаешь, ему никто не дает? Ошибаешься, он редко когда уходит отсюда обиженным.

Глаза Лизы еще больше округлились, намереваясь выпасть из орбит, а челюсть и так давно валялась на танцполе.

– Говорят, у него есть одно безусловное достоинство, – Ханс сделал вид, будто пытается облизать свой нос, – с его ростом более чем удобно.

Лиза поежилась.

– Зря, откуда ты знаешь, может, это будет лучший секс в твоей жизни. Член не всегда все решает.

– Может, но пойдемте лучше танцевать.

Одно было несомненно хорошо: от картинки карлика

с языком ее либидо сжалось и притаилось, а значит, больше не мешало развлекаться. Они переходили с одного танцпола на другой, периодически останавливаясь возле бара, где красноватая подсветка создавала ощущение какого-то артхаусного фильма. Это, безусловно, возбуждало. Лизе нравилось рассматривать раскрепощенных людей. Ее восхищало, как они непринужденно занимались сексом у всех на виду. Сама она не могла похвастаться такой свободой и принятием себя. Оставалось делать вид, что не замечает знаки внимания, хотя ей чертовски хотелось пуститься во все тяжкие.

Катя уже с видимым усилием пыталась удерживать дистанцию. Было очевидно, что ей нравится этот мужчина и она готова с ним абсолютно на все. Но ей хотелось растянуть удовольствие. Поцелуи, танцы, объятия – пока этого достаточно, не стоит суетиться. Ханс же, несмотря на свои сорок пять, чувствовал себя мальчишкой. Он понимал, что его жизнь уже никогда не станет прежней. Рутина и попытки вписаться в нормальное общество закончились, и теперь начнется то, о чем он всегда мечтал: страсть и драйв бок о бок с человеком, полностью разделяющим твои жизненные принципы.

– Все мои ровесники – скучнейшие зануды. Они ложатся спать в десять вечера, чтобы не проспать ненавистную работу и лишний раз не видеть невыносимую жену. А я зажигаю в «Киткате» с двумя прекраснейшими русскими барышнями. И кто тут везунчик?! – в ответ на это девушки смеялись

и прижимались к нему с двух сторон, дабы он мог в полной мере ощутить себя королем вечеринки.

Они разошлись под утро. Ханс учтиво вызвал такси, бережно усадил в него подружек и еще долго провожал их взглядом. Катя смотрела в окно и, вопреки обыкновению, была расслаблена и спокойна, будто наконец достигла заветной цели, дотерпела, дождалась, добежала, и теперь можно выдыхать. Уставшая больше всех Лиза дремала у нее на плече, но, судя по порой вырывающимся неровным вздохам, ей снилось, что она все еще в клубе, но уже гораздо менее стеснительна. Буквально через пятнадцать минут они были дома. Скинув туфли в прихожей, Катя рухнула на кровать и радостно взвизгнула:

– Йе-е-е-ей! У меня теперь есть два метра моего собственного Берлина, ура! Спасибо тебе огромное, моя дорогая, что помогла мне с коммуникацией сегодня. Я думаю, дальше мы как-нибудь разберемся. В конце концов, заставлю его выучить русский язык. Судя по всему, он вполне готов и не на такое.

– Похоже на то. Не каждый день в стране победившего феминизма встречаешь такую архетипическую женщину.

– О да! Он мне еще в переписке сокрушался, что, мол, я же ничего не подразумеваю, меня просто воспитывали как джентльмена, подать руку, открыть дверь, помочь донести сумку. А тебе на это или обвинения в харассменте, или «ты думаешь, я сама не могу?» Будто бы у них что-то ценное от-

бирают. Притом что он явно не из тех, кто будет что-то запрещать или хотя бы как-то регламентировать действия своей женщины. Это точно не про него, я на это сразу обратила внимание.

– Он вообще производит впечатление очень гармоничного мужчины, без излишней драмы и страданий, хоть и разведенный. Может, их этому как-то учат? Пока наши в каких-то страшных подвалах постигают садомазохистское учение о том, что мужчины не плачут, не сдаются и не должны особо сильно отличаться от обезьяны, тут они изучают зрелость личности, умелый секс и способность заботиться о себе и других? Пожалуй, я тоже задержусь здесь чуть подольше, завтра поищу себе отдельную квартиру.

– Да не торопись, ты нисколько меня не смущаешь.

– Понимаю, но я все же привыкла жить одна, и потом, мне будет неловко приводить кого-то на диванчик в твою гостиную.

– О-о-о-ох! Наш Лизок вразнос пошел, ай пошел, да как пошел, – напела Катя на некий усредненный русско-народный мотивчик. – Мне нравится твоя динамика, дорогая!

Лиза вскинула ладонь ко лбу, щелкнула воображаемыми каблуками, как бы отдавая честь, и с загадочной улыбкой скрылась за дверью. Она чувствовала, что не только у Кати начинается совершенно новая жизнь. Ее это тоже обещало коснуться. Едва положив голову на подушку, она провалилась в сон, успев только пробормотать древнее детское

заклинание: «Сплю на новом месте, приснись жених невесте». Она всегда так делала. И иногда, вглядываясь во впервые встреченных мужчин, замечала уже знакомые черты. От этого мимолетная связь приобретала оттенок кармической предопределенности. А потом все равно оказывалась лишь очередным челленджем. Но не будь всего этого, она не стала бы тем, кто она есть. И, конечно, не была бы сейчас в Берлине.

V

Своя суперспособность у Лизы тоже была: всегда и в любом месте она находила идеально подходящее жилье. Будь то прекрасная средиземноморская вилла в горячий сезон, аутентичный домик посреди леса или полная антиквариата квартира в европейской столице. Не говоря уж о собственной шикарной московской квартире в самом что ни на есть центре, с высоченными потолками и широченными подоконниками. Многие считали это везением, но, как говорила сама Лиза: «Я просто точно знаю, где хочу оказаться и как хочу там жить. Потому и получаю ровно то, что нужно». Да, она умела использовать визуализации, когда это еще не было мейнстримом. Не сомневалась Лиза и на этот раз, лениво листая за завтраком сайты и доски объявлений по запросу «аренда квартиры в Берлине». В графе «Даты» был выставлен месяц, что существенно понижало ее шансы, так как еще не тянуло на длительную аренду, но уже выходило за рамки стандартных туристических сроков. Пока все, что ей попадалось, было либо далеко от цивилизации, либо в состоянии «матрас на полу и лампочка», либо слишком дорого. Значит, не сегодня, – подумала Лиза, – а сейчас просто пойду гулять – и будь что будет. Катя отсыпалась, а яркое и все еще теплое осеннее солнце, напротив, уже вовсю светило, намереваясь как можно скорее выгнать Лизу из дома на новое

свидание с городом.

В этот раз она держала курс на запад: Бранденбургские ворота, Тиргартен и Шарлоттенбург. Знаменитая арка с квадригой, управляемой богиней победы Викторией, предстала перед взором сразу, как только Лиза вышла из метро. Правда, сегодня там было нечто, гораздо больше привлекающее всеобщее внимание.

Прямо на площади, на самодельной колеснице из велосипеда и плакатов со странными лозунгами стоял почти что обнаженный мужчина. Стоял прямо на руле, и из одежды на нем были только стринги в виде голубого слоника. В руках он держал что-то типа картонного голубя, чей размах крыльев как бы продолжал скрытую хоботом часть тела и делал ее гротескно большой, а по сторонам от него развевались два флага: немецкий и радужный. Немолодой, но с хорошей фигурой, покрытой ровным загаром, он принимал красивые античные позы и явно был очень доволен собой и производимым эффектом. Кто-то фотографировал его или себя на его фоне, кто-то просто застывал разинув рот, как это сделала Лиза. Она помнила, что так открыто пялиться неприлично, но оторвать взгляд просто не могла. Лозунги и плакаты вокруг него, несомненно, как-то обличали существующую власть и подписаны были Кайзером Айком. Заметив ее внимание, мужчина улыбнулся, подмигнул и помахал ей своим картонным голубем. Лиза смутилась, как девчонка, будто это не она вчера в клубе с упоением разглядывала за-

нимающихся самым разнообразным сексом людей и будто не ей сегодня снились такие безумные эротические сны. Затем сделала усилие, подняла голову и улыбнулась в ответ. И тут же, будто сделав какую-то шалость, она резко развернулась и вприпрыжку поскакала в другую сторону, напоследок еще раз обернувшись и заметив, что он помахал ей вслед.

«Безумный, безумный, безумный Берлин, как же я люблю тебя! Где еще в мире возможно такое? И главное, похоже, местные привыкли. Только туристы в шоке. Но как же ему не холодно?» Она поежилась.

Температура на улице была не сильно выше ноля. И хотя яркое солнце еще немного грело, желания снять теплое пальто совершенно не возникало. Пройдя немного в сторону парка, она увидела фургончик, торгующий кофе. Взяла большой латте, два пакетика сахара и, недолго думая, попросила налить ей второй.

Он заметил Лизу, только когда она подошла почти вплотную, осторожно взял горячий бумажный стаканчик, поблагодарил, отпустил голубя и пожал ей руку. Его ладонь была холодна, но очень приятна, из тех, в которые хочется на время спрятаться и не вылезать. Надежная и плотная, но при этом очень мягкая. Лиза некоторое время смотрела ему в глаза и улыбалась, а затем выскользнула из его рук и взгляда и не оглядываясь побежала в парк. Если наряду с дорожной существует городская карма, можно считать, что пару плюсов она получила.

Не торопясь, наслаждаясь погодой, видами парка и теплом вкусного сладкого напитка, Лиза прошла Тиргартен насквозь. Она подолгу сидела у воды, разглядывала большие деревья, наблюдая, как колышется их зеркальное отражение, бережно трогала пальцами еще оставшиеся кое-где на кустах маленькие белые цветочки и красные ягоды. С удовольствием осознала, что сейчас, после всех передряг, она абсолютно довольна жизнью. То самое пресловутое счастье в моменте – вот оно, такое сладостное и такое простое. Идти по тропинке, шуршать желтыми листьями, щуриться от солнца, кутаться в пальто. Тепло, сухо, дружелюбные люди, спокойствие, радость. Можно просто идти и улыбаться. Она молода, здорова, красива, у нее есть любимая работа, достаточно денег и вдоволь свободного времени, куча прекрасных друзей, живые родственники, отличное жилье, но самое главное, сейчас у нее есть Берлин, а у Берлина есть она, и это похоже на самый лучший роман в ее жизни. И неважно, сколько он продлится.

Незаметно для себя, погруженная в приятные мысли, она вышла к зоопарку, отметила архитектуру и пообещала обязательно погулять тут позже. Сейчас в поле ее зрения попало нечто совершенно иное. «Гнилой зуб», Гедехтнискирхе, Мемориальная церковь кайзера Вильгельма, точнее, то, что от нее осталось. Великолепная постройка в неороманском стиле простояла чуть больше пятидесяти лет. Пять огромных колоколов, от раскатистых звуков которых подвы-

вали волки в зоопарке, в начале 1943-го были переплавлены на нужды вооружения, а в конце того же года английская авиация разрушила 70 процентов церкви, оставив ее живым памятником того, куда больше никогда не стоит возвращаться. И это очень чувствовалось по всему Берлину: признанная вина, эдакий неловкий стыд за всем известные события и попытка оправдаться. Город будто кричал: «Ребята, я же не знал, я же не ведал, кого я выпестовал». Поэтому здесь, на месте здания гестапо, стоит музей Топографии террора, а рядом с Бундестагом – Мемориал жертвам Холокоста, но самое пронзительное и берущее за душу – маленькие латунные таблички, тут и там вживленные вместо камней в мостовую. Имя, дата рождения, дата ареста. И, если известна, – дата смерти. Штольперштайне – камни преткновения. «Они никому не мешают, о них никто не спотыкается. Люди часто проходят и даже не замечают их. Зато спотыкается душа, если она чиста. И сердце, если оно не очерствело», – так говорил Гюнтер Демниг, автор проекта. И хоть Лизины родственники не пострадали от нацизма, ее сердце каждый раз вздрагивало, когда на пути поблескивало немое напоминание.

Следуя наитию, она зашла в странное модернистское сооружение рядом с остатками церкви. Лиза не была верующей, но любила рассматривать храмы. Особенно в Европе. В них всегда можно было посидеть и согреться, не становясь объектом наблюдения и осуждения прихожан. Этот

раз не стал исключением. Мрачный восьмиугольник оказался украшен изнутри тысячами светящихся синим стеклянных квадратов. Синяя церковь, как звали ее горожане. Так вот ты какая, берлинская лазурь, – зачарованно ахнула Лиза. Она запрокинула голову, пытаясь вместить как можно больше этой синевы.

– Лиза?.. – она не сразу поняла, что обращаются к ней. Откуда кому-то здесь знать ее имя, – Лиза, это ты?

– Миша? Епифанов?! Господи, ты-то откуда здесь?

Возле нее в проходе стоял ее бывший однокурсник, изменившейся за пятнадцать лет, но вполне узнаваемый.

– Давай выйдем, чтобы не упоминать тут имя Господа всуе, – улыбнулся он, и они двинулись к выходу.

На улице Лиза разглядела его получше. Возмужал – не то слово! В студенчестве он был не то готом, не то рокером, не то и вовсе панком. Носил черные балахоны и кожаные плащи, отращивал волосы и любил массивные перстни, за что порою бывал бит и унижен, но не сломлен. Их объединял интерес к музыке и странным фильмам. Обменивались записями на переменах или приходили к друг другу в гости с коробочками внешних жестких дисков и парой бутылок вина. Несколько гигабайтов тогда копировались не быстро, успевали порой за добавкой сходить, зато прощались затем абсолютно духовно обогащенные. И новым «посмотреть-послушать», и информацией о грядущих концертах, и годными мыслями с легким налетом психотерапевтического эффекта.

После выпускного они уже не общались. Доходили слухи, что он куда-то уехал. Соцсетей еще практически не было, с отъездом за границу люди исчезали с горизонта. И вот тут внезапно посреди Берлина снова Мишка! Статный, высокий, красивый, все в том же черном, длинном, но уже достаточно дорогом пальто, аккуратная бородка, элегантные очки, легкая седина.

– Лизка! – как только они вышли на улицу, он схватил ее в охапку, так что слегка оторвал от земли. – Боже, как я рад!

– А уж как я! Откуда ты здесь?

– Ну-у-у, живу я тут. Уже почти десять лет. А ты?

– Ой, я туристом, впервые. Приехала с подругой, на машине, без обратного билета, думала, на неделю, но уже не уверена. Маловато, пожалуй, будет.

– Да, Берлин – он такой. Но что же мы тут стоим? Пошли в кафе, у меня как раз перерыв.

– И чем ты занимаешься? – спросила Лиза, когда они сели за небольшой столик в ближайшей кофейне и сделали заказ.

– Сложно объяснить. Наукой. Нечто на стыке религии, философии, искусства, психологии и еще черт знает какой метафизики.

– Ищешь философский камень?

– Что-то вроде.

– Не зря я тебя еще на первом курсе обзывала масоном.

– Ага, как в воду глядела! Ты-то как? Что делаешь? Где?

– Я все еще в Москве, работаю переводчиком дубляжа,

сложно, много, зато почти всегда на удаленке.

– Это приятно, да, то есть ты все-таки пошла по специальности. А как твое писательство?

– Да, закончилось как только пришлось придумывать, на что жить. А там втянулась в переводы и больше сил не оставалось. Да и какой из меня писатель!

– Очень неплохой, у меня до сих пор сохранился один из твоих рассказов, я даже с собой его сюда привез.

– О-о-о, вот это честь! Ну, может быть, еще вернусь когда-нибудь. Я сейчас снова немного рисовать пытаюсь, но что-то пока так себе.

– Главное, хоть что-то делать для своего удовольствия, а не только за деньги. Иначе наполненность из жизни уходит, и ее уже ни за какое золото не купишь, – он посмотрел на часы, – Ты где живешь? А то у меня сейчас буквально десять минут, а потом еще часа на два в архивы. Несколько месяцев разрешения ждал. Но я бы хотел с тобой подольше пообщаться. Когда тебе удобно?

– Я пока в Нойкельне, но буквально со дня на день должна съехать, ищу новое логово, так что пока не знаю, в каком буду районе.

– Даже так? Значит, нас сегодня боги столкнули. Кажется, я смогу помочь решить твою проблему, а ты – мою! Подождешь где-нибудь неподалеку? Тут вот есть, например, Ка-Де-Ве, да и просто куча всяких кафешек и магазинов.

– Беги, я не пропаду. Вот мой номер, набери, когда закон-

чишь.

– Jawohl, Frau Lisa! Natürlich![6]

И он помчался по своим делам, размахивая полами пальто, будто слегка взлетая, а Лиза, улыбнувшись ему вслед, неспешно побрела по Курфюрстендамму под звуки саксофона, играющего джаз на перекрестке.

Миша обладал двумя хорошими немецкими вещами: пунктуальностью и новенькой БМВ бизнес-класса. Ровно через два часа Лиза с удовольствием расположилась на кожаном пассажирском сидении и поняла, что это было как нельзя кстати. Ноги, прошедшие за день больше десяти километров, сказали: «На сегодня все».

– Мне сперва надо тебя кое с кем познакомить, это недолго, – сказал Миша, – а потом пойдем куда-нибудь поужинаем и поболтаем, идет?

Лиза кивнула, ее сейчас устраивало все, что не требовало дополнительной физической нагрузки, к тому же она абсолютно доверяла своему вновь обретенному старому другу. Она даже не спросила, куда они едут, а лишь смотрела в окно на проплывающий мимо сумеречный город, в котором уже начали зажигаться вечерние огни. Спутник был занят дорогой и тоже особо разговорами не докучал.

Она не сразу поняла, куда они приехали. Телебашня, кораблики, река. Они заехали на подземную парковку и поднялись в лифте на четвертый этаж. Миша достал массивную

---

[6] Пер: «так точно, фрау Лиза! Конечно!».

связку ключей и неторопливо открыл добротную деревянную дверь.

– Мы ненадолго, я только представлю тебе Демиурга и сразу ужинать пойдем. Есть хочется зверски, а дома шаром покати.

– Демиурга? – переспросила Лиза, но тут же потеряла дар речи, узрев его во всем величии и всей красе.

В прихожую вышел кот. Ну как – кот? Определенно, это был кто-то из семейства кошачьих, но размером со среднюю собаку. Огромный, черный, с гипнотическими желтыми глазами и кисточками на ушах котище породы мейн-кун будто бы заполнил собой все пространство.

– Дёма, познакомься, пожалуйста, это Лиза, и, если вы поладите, она, возможно, спасет мою карьеру.

– З-з-здравствуйте, – Лиза машинально протянула руку, и кот слегка коснулся ее лапой.

– Ми-и-а-у, – важно и почтительно ответил он на приветствие.

– Проходи, располагайся, я только уберу на место документы —и сразу буду в твоем распоряжении.

– А-а-а он ме-е-еня н-е-е…

– Нет, не съест, не бойся, он, конечно, привередливый, но не агрессивный.

Лиза прошла в гостиную и аккуратненько присела на диван. Демиург проследовал за ней, запрыгнул на комод напротив и не сводил с нее своих полнолунных глаз.

– Вы бы могли сыграть кота Бегемота, – ей даже в голову не пришло, что с этим существом можно с разгону и без спроса переходить на «ты».

Кот поморщился и отвернулся, будто бы говоря: «Боже мой, какая пошлость! Как унизительно – пытаться кого-то изображать», и Лиза тут же спохватилась.

– Разумеется, гораздо лучше написать про вас новый гениальный роман, в котором вы будете исполнять главную роль.

Это коту пришлось по душе гораздо больше, он удовлетворенно мявкнул и мечтательно провел лапой по усам. Из приятных раздумий его вытянул появившийся хозяин. Он сел в кресло рядом, и животное решило-таки снизойти до приветственных ласк, перебравшись к нему на колени. Под его тяжестью немаленький вроде мужчина обреченно напрягся, но тут же растаял, запустив в густую длинную шерсть обе пятерни.

– Дело вот в чем, – начал он, – я на днях должен лететь в командировку в Аргентину, минимум на месяц. С котом обычно остается моя сестра, специально приезжает из Москвы, но буквально позавчера она сломала ногу и теперь неизвестно когда сможет. А Дёма у меня парень очень с характером, абы на кого его не оставишь. Нет, никому ничем это не грозит, он благороден и никого не обижает, но вот сам, впадая в тоску и меланхолию, то прекращает есть, то лысеет, а то и просто воет так, что у соседей кровь в жилах стынет. А они тут немолодые, опасно, знаешь ли. В общем, если вы

подружитесь, то у тебя будет в полном распоряжении прекрасная квартира с библиотекой, фильмотекой, стереосистемой и котом. А у кота будут ручки. Что скажешь?

– Заманчиво. А как мне с ним подружиться?

В этот момент кот спрыгнул с Мишиных колен и подошел к Лизе. Некоторое время он будто бы считывал ее, пристально всматриваясь сквозь глаза ей в душу. Затем издал утробный рык, наверняка заменяющий в его организме обычное кошачье урчание, взмахнул хвостом и слегка потерся боком о Лизину ногу.

– От тебя тут, к сожалению, ничего не зависит, он либо примет, либо нет. Но у меня хорошее предчувствие. Он уже позволил тебе многое.

– То есть обычно он всё же всех жрет?

– Неа, даже в детстве никого ни разу не куснул и не царапнул, но он умеет смотреть так, что люди стараются с ним в одной комнате не находиться и спиной не поворачиваться.

– А, да, я поняла, он мне уже продемонстрировал. Истинный демон.

– Вот потому я и говорю про хорошее предчувствие. Я же тебя помню, мы с тобой еще тогда были с демонами на «ты».

– Что ж, давай попробуем, но мне нужна будет еще хотя бы одна репетиция, прежде чем ты оставишь нас наедине.

– Разумеется, но сейчас – бегом ужинать, не то я сам кому-нибудь сделаю кусь!

Едва они вышли из дома и пересекли реку, Лиза ахнула

и встала как вкопанная, показывая куда-то перед собой.

– Что такое? – удивился Миша.

– Каштан!

– Ну да, каштан, их тут довольно много, между прочим, и даже березки есть.

– Не, я не об этом, это тот самый вчерашний каштан…

– Ну-у-у, я не думаю, что вчерашний: судя по виду, он здесь уже как минимум лет триста.

– Да нет же, я в том смысле, что уже его видела. Я гуляла как раз здесь вчера.

– Серьезно? Молодец какая! Фишеринзель – не самое популярное туристическое место.

– Да и я не самый типичный турист. Люблю приехать и пожить, как обычные местные жители, пошляться по местам, которых нет в путеводителях, так сказать, проникнуться духом.

– Ох, жаль, что уезжаю, а то показал бы тебе всякое такое! Но в одно интересное местечко я тебя все же успею сводить, побежали, а то без нас там все самое вкусное съедят.

– То есть ты уже уверен в том, что уезжаешь, а я останусь в качестве компаньонки кота? – спросила Лиза, когда они удобно расположились в мягких креслах ресторана и сделали заказ.

– На девяносто процентов. Думаю, вы сможете найти общий язык.

– Мяу! А знаешь, что самое забавное? Вчера, когда я здесь

гуляла, думала: как было бы здорово здесь пожить.

– В Берлине?

– В этом доме!

– Ого! Как быстро ты, выходит, все себе наколдовала!

– Да я особо и не колдовала, просто представила, как было бы круто жить с видом на этот остров, кораблики и старый каштан.

– Ну, я и говорю, наколдовала. Кстати, да, вид из окон у меня аккурат на остров и кораблики.

– И каштан?

– И каштан. Ну, и чупа-чупс, конечно, видно.

– Это что такое?..

– Ха-ха, мы так называем Алекса, нашу телебашню.

– Ой, а мне он больше напомнил диско-шар.

– Тоже есть немного. Кстати, наверху там забавный ресторан с вращающимся панорамным видом – и кормят на удивление неплохо. Плюс можно без очереди сразу наверх попасть.

– Да, я уже видела, забиралась вчера наверх, только без ресторана. Как-нибудь еще схожу обязательно.

– А я, когда хочется домашней кухни и уюта, сюда захожу. Вроде туристическое место в туристическом районе, но мне тут как-то всегда уютно. Может, потому, что первое место, куда зашел в Берлине поужинать, а может, потому, что у них есть колодец, исполняющий желания.

– Колодец?

– Да, во дворе. Сейчас дождемся пива, выйдем покурить – и покажу.

Возле входа действительно оказался старинный колодец с массивными коваными решетками и украшениями. Лиза заглянула внутрь. Воды в нем не было, он был частично засыпан, но дно густо покрывали поблескивающие монетки.

– Я тогда тоже с первого взгляда влюбился в Берлин. Приехал в тот год, когда мы институт закончили, и сразу влюбился. Еще бы, готика, баухаус, андеграунд, все, что мы любили. В России-то с этим большие перебои были. Очень не хотелось обратно уезжать. И вот как-то зашел я сюда, денег было немного, но разок отужинать в приличном месте хотелось. А дело еще и перед Рождеством. Знаешь, бедные туристы сюда в это время едут. И напрасно, праздник семейный, все закрыто, все ходят голодные, вот и я тогда так же попал. И они были тут чуть ли не единственные, кто в Сочельник до восьми работал. Я зашел, заказал рождественского гуся, темного пива, рюмку егермайстера, и сразу так хорошо стало, будто приехал наконец домой после долгого путешествия. А они, если ты заметила, тут фигурки лягушек собирают. Даже название переводится как что-то вроде «У хозяина пруда». Есть какая-то история про лягух, которые здесь жили и пировали, когда очередная пивная бочка, перевозимая по реке, давала течь.

– То есть тут даже лягушки побухать не против?

– Абсолютно. В Германии пиво вообще особо не счита-

ется алкогольным напитком. Так вот, а у меня тогда сестра младшая внезапно увлеклась вязанием и делала, знаешь, такие маленькие игрушки-брелочки, и у меня один такой в кармане завалялся – лягушонок. Дай, думаю, им в коллекцию подарю, а Дашка мне еще свяжет, у нее там неостановимый конвейер. Ну и подарил им типа с Рождеством. Они обрадовались. А потом я пошел на перекур, и тут выходит хозяин ресторана с подносом, на котором стоит рюмка, мол, а это вот тебе от нас, за счет заведения, в Святую Ночь. Что-то неимоверно прекрасное было, явно из тайных хозяйских запасов с выжимкой из рога единорога или около того. Я до сих пор узнать пытаюсь, но они не сознаются, и в магазинах ничего подобного не попадалось. И вот, значит, мы расшаркались, раскланялись, и, уже уходя, он возьми да брось, что вон тот колодец превосходно исполняет желания, и подмигнул этак заговорщически. Я тогда ухмыльнулся, помню, типа да-да, конечно, знаем мы эти ваши фольклоры, но, знаешь, когда тебе чего-то очень хочется, ты враз становишься суеверным.

– Конечно, знаю, все средства хороши! – улыбнулась Лиза.

– И вот, думаю, чем черт не шутит, не убудет же с меня! Подхожу колодцу и со всей мочи как заору туда: «Я хочу до конца следующего года легко и радостно переехать жить в Берлин и жить здесь комфортно и счастливо!» И про «без вреда себе или кому-либо другому» не забыл добавить. И что ты думаешь, возвращаюсь в Москву, проходит пара месяцев,

и мне, вчерашнему студенту, сваливается неплохая работка, а главное, с продолжительными командировками в Германию, а ближе к концу года меня и вовсе перевели в здешний офис, выдав красивую карточку, подтверждающую законность моего временного здесь пребывания, обещающего впоследствии стать постоянным.

– Хм, думаю, в этом сыграл небольшую роль красный диплом переводчика с немецкого, а не только волшебный колодец.

– Несомненно! Но кто знает, кто знает?!.

– Ну ладно, только отойди и не подслушивай.

Миша, засмеявшись, пошел в сторону входа, где из приоткрытой двери уже показался официант, возвещающий, что гусь подан. Лиза добрую минуту нашептывала что-то в середину каменного круга, бросила внутрь монетку из кармана, а затем с хитрой улыбкой нашкодившей школьницы и покрасневшими не то от стыда, не то от мороза щеками ворвалась в тепло ресторанного зала. На улице звякнул одинокий удар колокола. Непонятно, почему только один и в двадцать часов девятнадцать минут, но Лиза уже слишком увлеклась дымящейся гусиной ножкой, чтобы обратить на это внимание.

VI

Три дня спустя Лиза и ее маленький рюкзачок переехали на Инзельштрассе. В просторную квартиру с высокими потолками, котом Демиургом, хорошей библиотекой и видом на остров, кораблики и каштан. Миша вылетел в Буэнос-Айрес в тот же день, выдав ей вторые ключи и последние напутствия, как сделать ее совместную жизнь с котом максимально комфортной для обоих. Кот отреагировал на Мишин отъезд нордически. Лишь вышел в коридор, когда тот обувался, ткнулся носом в лицо, дал легкую пощечину кончиком роскошного хвоста и муркнул напоследок что-то вроде «береги себя там, человечек неразумный», а затем спокойно ушел спать на диван, где проводил большую часть времени. С Катей тоже все обошлось без лишних слез и долгих прощаний, во-первых, они все еще оставались в одном городе, а во-вторых, подруга была так увлечена своим новым страстным романом, что общаться с ней становилось затруднительно. Она могла либо рассказывать, какой замечательный мужчина – Ханс, либо и вовсе зависала в фантазиях и мечтах и плохо реагировала на внешние раздражители. Видеть, как ее огненная Катя постепенно превращается в розовое желе, Лизе было странно и немного завидно, но она прекрасно понимала, что это обычные издержки конфетно-букетного периода, когда все остальное для тебя просто перестает существовать.

– Ничего, погоди, сейчас я еще пару недель покувыркаюсь – и мне по-любому нужно будет на несколько дней взять перерыв, и вот тогда мы с тобой непременно зажжем, – шепнула Катя, провожая подругу. – Ты же, как я понимаю, здесь еще как минимум на месяц?

– По предварительным данным, да, а там – как пойдет, всяко я могу тут быть три месяца по туристической визе, так что да, не прощаюсь. Между нами расстояние в семь километров, примерно как в Москве было, и я очень хочу, чтобы это существенно не поменялось и впредь. Буду работать над этим.

– Да уж, ты, пожалуйста, не подкачай, мне тут определенно будут нужны свои люди.

– Говорящие на двух иностранных языках?

– И это тоже, но не только. Знаешь, удивительно, но я начала немного по-немецки понимать, воистину язык передается половым путем. А еще выяснилось, что у меня, как у представительницы поколения, выросшей на немецких фильмах определенного жанра, мгновенно все приходит в боеготовность, стоит только шепнуть на ушко что-нибудь на этом языке. Причем не обязательно пресловутое «дас ист фантастиш», а буквально таблицу умножения можно читать, и все – работает!

– Отличный способ изучения языка, действительно! Тебя трахают, и одновременно диктуют спряжение модальных глаголов. Приятно и полезно! Надо взять на вооружение, ес-

ли какой-то еще язык захочется себе добавить.

– Хорошая идея, но я, пожалуй, воздержусь. Я, конечно, извращенка, но не настолько.

Мишина квартира оказалась настоящим подарком. Кроме расположения, вида из окна и добротной немецкой мебели, она была буквально напичкана всеми видами раритетов, начиная с редких книжных изданий и заканчивая диковинным коллекционным винилом. И, разумеется, здесь было на чем его послушать – явно очень недешевая и высококачественная аудиосистема, сочетавшая последние технологии с теплой ламповостью.

Да, Миша знал в этом толк. Всегда знал. Его жилище было определенно холостяцким, но при этом порядок в нем царил истинно немецкий. Судя по тому, что Лизу не оповестили о приходах домработницы, следил за этим исключительно сам Миша. Редкое природное явление, но бывает.

В интерьере преобладал так называемый скандинавский дизайн: уют, комфорт и минимализм без намека на вычурность. Хюгге, как называют его сами скандинавы. Лизе очень нравился этот стиль, но в Москве он был представлен либо безумно дорогими дизайнерскими вещами, либо «ИКЕА», которая набила ей оскомину еще во времена съемных квартир и дешевых отелей. Куда бы ты ни приехал, обязательно уснешь на знакомой до боли кровати, под не менее знакомым светильником с непроизносимым названием, а вещи будешь складывать в очередной шведский комод. И вот теперь нако-

нец-то целый месяц она будет жить в квартире своей мечты. Правда, с котом. Она не была котолюбителем, ей ближе были собаки, но данный кот не особенно вписывался в обычный котопортрет. Так что это сулило скорее интересный опыт, нежели обузу. К тому же, статус кошачьей няни освобождал ее от уплаты аренды, что при таких апартаментах было весомой экономией. Правда, спиной она к Демиургу все же поворачиваться пока не решалась.

В первый вечер Лиза осталась дома. Обжиться, освоиться, приготовить вкусный ужин и накрыть его на маленьком балконном столике с видом на ночной Берлин. Сидеть в одном легком халатике, а то и вовсе без него, включить любимую музыку, благо такая имеется у Миши в достатке, или дурацкий сериал, чтобы дать мозгу полноценный отдых. Потом почитать книжку или завалиться спать в необычные для нее часов десять, ни минуты не жалея о потерянном вечере. Когда впереди у тебя целый месяц, можно не стараться проводить их все до единого с пользой. Тем более что у Миши така-а-а-ая кровать!

Холостяк холостяком, а успехом у противоположного пола он, несомненно, пользуется. Она и сама грешным делом отметила, каким холеным красавцем он стал. И даже подумала, что была бы весьма не прочь, если бы не относилась к нему, скорее, как к брату, соратнику, товарищу ее суровых студенческих дней – без малейших романтических чувств. С ним хотелось влезть в какую-нибудь авантюру, прогово-

рить до рассвета на кухне за коньяком, вместе написать книгу или даже открыть маленький магазинчик, торгующий всякой эзотерической всячиной, но в постели, в объятиях или у алтаря она, как ни силилась, представить его не могла.

На следующий день она проснулась необычайно рано. Тихое место, удобная кровать и, наконец, комфортное одиночество сделали свое дело. К тому же в ногах, на белоснежной простыне, развалился огромный пушистый черный кот, что было хоть и непривычно, но довольно-таки приятно. Когда Лиза начала подавать первые признаки бодрствования, он лишь слегка приоткрыл один желтый глаз, посмотреть, кому это так отчаянно не спится столь ранним утром, и тут же заснул снова, слегка поежившись от столь дикого неуважения к священному процессу сна. Действительно, на улице едва рассвело. Но Лиза чувствовала себя слишком бодрой, чтобы оставаться в кровати.

Она неспешно встала, потянулась, постояла под горячим душем, пробуждая каждую клеточку тела, привела в порядок лицо и прическу и, полностью довольная собой, отправилась на кухню готовить завтрак. Это был ее излюбленный утренний ритуал. Еще находясь в постели, она спрашивала себя, чего бы ей сегодня хотелось, и непременно готовила желаемое, не ленясь красиво сервировать свое блюдо. Она считала, каким будет завтрак, таким будет день, и искренне не понимала людей, выхватывающих из холодильника первое, что попадалось под руку, или пропускавших завтрак, потому что

нужно немедленно начать опаздывать и убегать. Лиза всегда отводила на первую трапезу минимум час. Четверть часа обычно уходила на приготовление, а остальное – на неспешную трапезу под просмотр фейсбучной ленты, роликов на ютубе или чтение книги.

«Сегодня я хочу свежую белую булочку, у которой внутри будет ломтик хамона, немного мягкого сыра и рукколы и горстку помидорок-черри на закуску. И, конечно, кофе и апельсиновый сок». Это было несложно, почти все ингредиенты были в наличии. Кроме свежих булочек. А заменить их на мультизлаковый хлеб или хлеб для тостов противоречило ритуалу. Ей нужна была свежайшая пышная булочка с золотистой хрустящей корочкой. Лиза решила добыть ее немедленно, благо пекарня находилась в соседнем подъезде.

Рассвело, но на улице еще стоял утренний туман. День обещал был пасмурным, хотя и теплым. В воздухе разливался уже знакомый запах прелых листьев и горящего угля. Выйдя из дома, Лиза немного постояла, любуясь на реку, струйки белого дыма и еще не везде погасшие огни, и тут увидела ее.

Много раз потом она будет вспоминать эту встречу, этот кадр, отпечатанный на пленке ее сетчатки и коре головного мозга. Он явно попадет в диафильм, который, по преданию, показывают людям за несколько секунд до смерти.

На возвышении посередине моста, свесив ноги и устремив взгляд куда-то в другую сторону, сидела девушка. Шипы

и черная кожаная одежда, сетчатые чулки, высокие ботфорты с каблуками, ассиметричная стрижка на коротких черных волосах, ярко-красная помада, зажженная сигарета в руках. Она выглядела именно так, как выглядела сама Лиза примерно в ее возрасте. Многие тогда негодовали, зачем она портит свои прекрасные светлые волосы, носит такую мрачную одежду и так ярко красится, но всем же нужно пройти через период выгула своего внутреннего бунтаря. Лиза не стала исключением. И сейчас она видела себя как бы со стороны.

Почувствовав пристальный взгляд, девушка обернулась. «Слава Богу, лицом она совершенно на меня не похожа, а то было бы совсем жутко», – подумала Лиза, но глаз отвести не смогла. В позе девушки, в окутывающем ее легком тумане, в едва заметной улыбке было нечто потусторонне притягательное.

«Вот бы ее нарисовать», – пронеслось в голове. Она попыталась вспомнить, сколько лет не подходила к краскам и холстам. Ну, не считая арт-терапии с ее бесконечным трешем. В детстве Лиза считалась талантливой и успела походить в художественную школу. Это был тяжелый и неприятный опыт, на корню загубивший удовольствие от живописи. С тех пор она зареклась делать что-либо подобное. Но сейчас смотрела прямо перед собой и думала: «Если я это не нарисую, мне пиздец!» И тогда она решилась.

– Простите, доброе утро, – начала она, приближаясь и доставая из кармана смартфон, – не будете ли вы против, если я

сделаю пару снимков с вами? Я художник и очень хотела бы вас нарисовать.

Брюнетка развернулась к Лизе, вместо ответа медленно и глубоко затянулась сигаретой, выпустила дым, пристально вглядываясь сквозь него, как будто бы он помогал ей увидеть истинную суть всех вещей. Неловкая пауза затянулась, и Лиза смутилась. «Человек же явно сидит здесь после бурной ночи, релаксирует на рассвет, а тут я». Она готова была извиниться и убраться прочь.

– Не буду. Утро. Только одно условие: потом вы мне это покажете.

Ее голос, глубокий и бархатный, с едва уловимой хрипотцой, совершенно не вязался с легкомысленным образом и юностью. Он завораживал, увлекал и, казалось, даже немного гипнотизировал. Лиза смутилась. Она не была готова к такому повороту. Ведь то, что она сможет нарисовать, наверняка совершенно никому нельзя будет показать. Шутка ли, почти двадцать лет не брать в руки красок. А девица явно с претензией и не обрадуется, если ее нарисуют кривобокой и расплывчатой, да и кто бы обрадовался.

– Извините, но я… ненастоящий, вернее, начинающий художник, точнее, давным-давно начинавший и так на том и закончивший. Вам вряд ли понравится то, что у меня выйдет.

Девица пожала плечами, отвернулась, будто специально демонстрируя породистый римский профиль, и снова молча затянулась. Было очевидно, что ей совершенно до лампочки все эти творческие метания и сомнения. Либо ты принимаешь эту часть договора, либо иди, куда шла. И Лиза уже было сделала шаг, чтобы, сгорая от стыда, продолжить путь к свеженьким булочкам, забыв о нелепой попытке вторжения в чужое пространство и возрождения собственной креативности.

«Нет, стоп!»

– Хорошо, договорились! – она будто бы нырнула с моста в холодную реку. – Только, пожалуйста, не шевелитесь.

Брюнетка явно и не собиралась этого делать, и Лиза как можно скорее постаралась зафиксировать то, что видит, пока все это не растаяло вместе с рассветным туманом. Поза, осанка, тонкие запястья и длинные пальцы, подбородок, шея, поворот головы и, конечно же, профиль. Внутри у Лизы все ликовало, она готова была фотографировать бесконечно, переходя от одной детали к другой, но очень не хотелось излишне докучать.

– Все, большое спасибо, – сделав порядка двадцати снимков, Лиза волевым усилием остановилась. – Как мне потом вас найти?

– Я сама вас найду, – немного загробным голосом сказала барышня, но тут же повернулась, слегка улыбаясь уголком рта, дабы развеять напряжение. – Вы же здесь живете?

– Да-а-а, а как вы?.. А, ну да, – Лиза поняла, что это очевидно: если кто-то стоит на улице, накинув пальто на пижаму, значит, явно его дом где-то неподалеку. – Хорошо, а можно хотя бы узнать ваше имя?

– Ви.

– Очень приятно, а я Лиза, – она протянула было руку, но поняла, что собеседница ее не готова к рукопожатиям, и застенчиво убрала руку в карман.

– Хорошо, Лиза, покажи, как ты умеешь.

На миг она широко улыбнулась, но тут же спрыгнула с пьедестала на мостовую и, не прощаясь, растворилась в желто-пряной растительности Рыбацкого острова. Все произошло так быстро, будто ее здесь вовсе не было. Лиза судорожно открыла в телефоне папку с фотографиями, чтобы убедиться, не пригрезилось ли ей? Нет, все в порядке, на последней паре десятков снимков была стильная готичная девица, слишком хорошо и свежо выглядящая при условии, что сейчас у нее был скорее вчерашний вечер, нежели сегодняшнее утро. «Ничего-ничего, в ее возрасте я тоже так могла, – успокоила себя Лиза, – а теперь меня ждут свежие ароматные булочки!» И неожиданно для себя она отправилась за ними чуть ли не вприпрыжку.

Теперь ничто не мешало ей накрыть для себя идеальный завтрак. Добрые полчаса она колдовала над ним, сервируя, как для королевы. И вполне почувствовала себя ею, когда села за массивный дубовый стол, взяла в руки изысканные приборы, отпила горячий кофе из круглой керамической чашки явно несерийного производства и, наконец, вонзила зубы в золотистую корочку, разрывая белую мякоть хлеба и красноватую плоть хамона. Маленькие помидорки задорно лопались во рту и оказывались едва ли не слаще фруктов, а козий сыр бесстыдно будоражил вкусовые рецепторы, заставляя их хозяйку думать, что одно это стоит того, чтобы взять и переехать сюда. В последние годы все эти прекрасные продукты европейской мясо-молочной промышленности были воз-

ведены на ее родине в разряд классовых врагов и в природе почти не встречались, а потому любая поездка за границу превращалась буквально-таки в гастрономическое блядство: беспорядочное поглощение деликатесов впрок. Она даже не пыталась себя стыдить и не отказывала себе ни в чем. Но теперь эти спешка и ненасытность были излишни, времени наконец-то более чем достаточно. Она с наслаждением выпила стакан свежевыжатого апельсинового сока и только после этого взяла в руки телефон.

«Мне надо срочно купить себе холст, кисти и краски, – постановила Лиза, открывая поисковый браузер, – сейчас же, немедленно, пока не отпустило».

Через полчаса она уже входила в большой художественный магазин, на вывеске его значилось: Boesner. От изобилия всевозможных инструментов зарябило в глазах. Она помнила только советские простые карандаши, «невскую» акварель и вечно полу-засохшие еще в магазине тюбики с маслом из Подольска. Здесь же выбор ужасал. Хотелось скупить сразу все. Все и вообще! Огромные наборы красок в деревянных и металлических ящичках, или же по одной, но в такой палитре, что, казалось, за время ее бездействия в мире изобрели множество каких-то новых цветов. Блестящие лакированные кисти, упругие, мягкие, огромные и самые маленькие, будто выскакивали из своих подставок и умоляли: «Купи меня, купи, без меня ты шедевр не нарисуешь». Тут были и мастихины самых причудливых форм. Ли-

за знавала только вид – «рыбка», которой можно было делать и широкие смачные мазки, и очищать холст почти полностью, если что-то пошло не так. Здесь же были короны, волны, шпили, квадраты и круги. В отдел с блокнотами и книгами она решила даже не заходить, слишком велик шанс попросту не взлететь со всем этим, влипнув в очередное обучающее пособие или испугавшись испортить слишком красивый белый лист. Поэтому она прошла прямиком в конец зала, где обитали мольберты и холсты. Их она схватила сразу несколько, самых хороших и не самых маленьких, а вот при выборе мольберта пришлось заглушить внутренний голос, который с жабьей интонацией запричитал, что не гоже так раскошеливаться на дорогую подставку ради одного раза, «а больше ведь ты вряд ли будешь, ведь правда? Ведь ты же быстро выдыхаешься, да и смысл, с твоим-то уровнем умения». – «Цыц, – сказала Лиза, – хоть бы и для одного раза, тебе-то что, деньги у меня есть, пока не голодаю. Если что, потом подарю кому-нибудь, вот у человека будет праздник. А на холстах экономить и вовсе грех». Мерзкий голос возмущенно зашипел, но сник. Пользуясь паузой, она, будто украдкой, схватила набор масла фирмы «Ван Гог», считающейся одной из лучших и, конечно, самых дорогих, целую связку отменных кистей и странных мастихинов. А уже подходя к кассе увидела наборы перьевых ручек и чернил. Это была ее слабость. Еще в детстве она любила такими рисовать и писать. «Плюс-минус двадцать евро уже не имеет зна-

чения, – сказала она себе, хватая наборчик и читая надпись на маленькой бутылочке из темного стекла, – о, берлинская лазурь, привет, дорогая, давненько не виделись!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.